

ДЕД

роман нашего времени

ЛИМБУС ПРЕСС
Санкт-Петербург

Э Д У А Р Д
ЛИМОНОВ

Эдуард Вениаминович Лимонов Дед (роман нашего времени)

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8496441

*Дед (роман нашего времени): Роман.: Издательство К. Тублина; Москва; 2014
ISBN 978-5-8370-0671-5*

Аннотация

Большинство книг Эдуарда Лимонова – книги страстные, наполненные взрывными событиями, яркими судьбами и героическими смертями. Не изменяет автор себе и на этот раз. Документальный роман «Дед» – своеобразный промежуточный итог, который подводит Лимонов (для соратников по запрещенной партии – Дед) своей пестрой жизни писателя-бунтаря-любownika-политика, – жизни, полной таких авантюрных коллизий, которые затмевают любую литературную выдумку. На страницах этой книги от лица непосредственного участника описаны недавние бурные события: бунты рассерженных горожан, «болотные» митинги, политические интриги и предательства. Как заявляет сам автор: «Новейшая Российская История живет и дышит в этой книге». Не верить ему – нет оснований.

Роман печатается в авторской редакции.

Содержание

Обращение к читателю	4
Задержание	5
День первый	21
Либеральные	37
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Эдуард Лимонов

Дед (роман нашего времени)

Обращение к читателю

В этой книге сидит в спецприёмнике ГУВД, делает политику, живёт, любит и негодует персонаж, называемый близкими «Дед».

Дед – лидер политической партии, любовник, большой чудак и любитель поразмышлять.

В своей жизнедеятельности он более всего вынужден общаться с грубыми простыми ментами, коварными политическими противниками и с товарищами по партии, охраняющими его.

Охранники самые близкие ему люди.

У Деда есть любимая женщина – «девка» называет её Дед, обращается к ней как к «Фифи», на самом деле у неё другое двусложное имя.

Странный тип этот Дед, менты ему вроде ближе, чем его союзники-либералы.

Читатель обнаружит в книге недавние бурные политические события 2011–2013 годов: бунты рассерженных горожан, «болотные» и другие митинги, политические ошибки и коварные предательства.

Рядом с Дедом читатель найдёт и известных российских оппозиционных политиков: Немцова, Навального, Удальцова и других действующих лиц. У Деда с ними сложные отношения.

Новейшая Российская История живёт и дышит в этой книге.

Всем привет!

Автор

Задержание

1

В два часа дня он лёг спать. У него выработалась привычка, в дни, когда ему было нужно выходить «на арену», он старался выспаться впрок. Мало ли что могло ожидать его в этот вечер, и в последующую ночь, возможно, спать не доведётся совсем, разумно было выспаться. Он взял из шкафа в коридоре большое одеяло и подушку и ушёл в кабинет. Застелился, но без простыни. Вернулся к охранникам.

Двое его охранников сидели в кресле в большой комнате, третий пил чай в кухне.

– Я прилягу, пацаны, попытаюсь уснуть. По старой традиции. Ночь предстоит длинная. Следите тут.

Охранники были новые, однако не настолько свежие, чтобы не знать об этой привычке «Деда» – так они его называли за глаза. Прозвище ему по сути не нравилось, незаслуженно старило его, однако он никогда не выступал с предложением называть его как-то иначе. За глаза есть за глаза, не в его же присутствии. Охранники приняли его сообщение знаками понимания. Мол, нам ясно, ты идёшь спать, иди, «Дед».

В кабинете он накрылся одеялом. Одеяло пахло его девкой, Фифи. Вообще-то девку звали иначе, но он назвал её Фифи, и теперь она всегда будет такой. Как будто он отчасти Бог, он обладал даром и правом называть смертных, как назовём, так и будет. Девка от одеяла пахла душно, крошечным востоком, еврейством, Библией, сосцами библейских коз и немного приторно, как, возможно, пахивают бараньи кишки. «Какие кишки, не фантазируй, – одёрнул он себя, – не фантазируй, “дед”», – но всё же вынужден был признать, что душный телесный запах одеяла имеет кишечную основу, под этим одеялом они только что провалялись, спариваясь, все выходные. Ну, оно и пахло их соединением, точнее, пах под-одеяльник, и, в сущности, – что есть соединение мужчины и женщины: он проталкивает в её кишку свой «жезл». Кишка, конечно кишка, а что это ещё? Влагалище – не что иное, как кишка...

– Прекратить! – сказал он себе. – А то члена лысого ты так заснёшь. Не заснёшь. Так и будешь медитировать на свою еврейку.

Но она не выходила из его головы, оккупировала область воображения, и не выходила. У него было четыре темы, наиболее часто оккупировавших его воображение: первая она – его еврейка, вторая – политика, третьей были его дети, и четвёртой – создатели человека, семейство Бога. Точнее, не обязательно именно в перечисленном порядке его оккупировали эти темы. Они могли напасть на него все вместе, но то, что они главные – это факт.

Он даже не знал, где она живёт. Он не был уверен, что те немногие куски её жизни, которые она ему добровольно открывает иногда, – правда. Он предполагал, что всё – ложь. Хочет ли он знать правду? «Нет», – сказал он себе искренне. Она ему очень нравилась, эта Фифи, молодая женщина с телом подростка. Он грыз это тело как старый жестокий крокодил, и она ему нравилась. Иногда ему представлялось, что он нашел её во время погрома, под старыми еврейскими перинами, у неё были косы и, может быть, вши в косах, он отнял её у толпы, чтобы изнасиловать самому. Между тем она...

– ...ард...инович? – тихий стук в дверь кабинета, – ...ард...инович!

Он вздохнул:

– Чего?

– Там опера во дворе. Много.

– Сейчас выйду.

Ну да, во дворе, не очень скрываясь, перемещались оперативные сотрудники милиции. За годы своей политической деятельности он научился распознавать их мгновенно. Толстомордые, часто опухшие, нелепо сложенные, нелепо одетые. Фактически их существует два основных типа: мордатые, постарше, заматеревшие от водки и жратвы мужчины и новое поколение: джинсы, курточки, барсетки – оперской молодняк косит и под футбольных фанатов, и под студентов, но выдаёт их прежде всего разбитная наглость. Он называл их «шибздиками».

Охранники сгрудились у окна кухни, выходящего во двор.

– Вот в той машине с затемнёнными стёклами – их пять человек ...ард...инович. А вон там дальше, видите, – серебристый форд, их вторая машина. Опера друг к другу в гости из машины в машину шастают. А вот за трансформаторной будкой, видите, скопились милиционеры в форме...

Внезапно ему пришли на память строки из его книги «Дневник неудачника», написанной в баснословном 1977 году: «“Ну что они там, внизу, шевелятся?” – спросил он у прижавшегося к вырезу окна Лучиано. Внизу на далёкой улице задвигались чёрные спины солдат».

Вот и двигаются. Через 33 года. В сказках полагается, чтоб прошло ровно тридцать лет и три года.

Посчитав всех во дворе, они пришли к неизбежному выводу, что их будут брать. Для наружного наблюдения такое количество ментов не необходимо. Все смотрели на него, охранники, что скажет.

– У нас есть другой выход? – спросил он, не то сам себя, не то всех присутствующих спросил. – У нас нет другого выхода. Я должен быть на площади, куда я вызвал людей. Ровно в пять будем выходить.

– Может, дадут добраться до площади? – Фразу произнёс Ананас, молодой человек с тонкой, выбритой бородкой, он работает барменом.

– Маловероятно. Давайте собираться.

И он пошёл утепляться. Так же как и традиция выпасться впрок, утепление было насущно необходимой мерой. Неизвестно, куда попадёшь. В обезьяннике, или куда там ещё поместят, может быть очень холодно. Однажды в ледяную ночь его продержали несколько часов в неотопляемом автозаке. У него зуб на зуб не попадал, растирал себе безостановочно ноги и грудь. Чудом не заболел.

Он надел помимо двух футболок ещё три свитера, яйца предохранил чёрным трико, подаренным ему непонятно кем и когда, может быть, олигархом из Ростова-на-Дону, натянул две пары носков, на башку надел чёрную шапку с кожаным верхом – память от умершего отца, – шапка из крашеной овчины была старомодна, как головной убор фараона 18-й династии.

– ...ард...инович, – в дверь протиснулся Панк (у всех были клички, так удобнее), – ...ард...инович, они заблокировали нашу машину.

Он пожал плечами.

– Ясно. А что вы ожидали?

Панк, худенький, но железный носатый молодой человек, превращавшийся, когда надо, в боевую машину без страха и упрёка, всё же вздохнул. Один раз.

По традиции они присели все четверо. На дорогу, чтобы вернуться когда-нибудь в эту квартиру. Высокий блондин Кирилл, ржаная щетина на щеках, вздохнул несколько раз. И он волнуется. Это понятно. Человек без нервов нежизнеспособен, нервы должны быть.

– Всем внимание! Выходим очень спокойно. Не отвечаем на их агрессию. С Богом! – он встал.

Встали и охранники. Сообщили по мобильному на площадь, что выходят, и что «нас стопроцентно возьмут». Панк вышел из квартиры один и осмотрел подъезд. Нет, в подъезде их не ждали. Согласно инструкциям спустились на лифте вниз. У выходной двери замедлились. Кирилл с рукой у кнопки вопросительно обернулся к Деду.

– Жми! – сказал Дед.

Они сделали только шагов пять. К ним уже бежали со всех сторон милиционеры и опера. Во главе милиционеров приблизился капитан. Деда схватили за руки, обступили.

– В чём дело, капитан? Что случилось?

– Пройдёмте с нами.

– Значит задерживаете. А по какому поводу, позвольте узнать?

– С вами хотят провести профилактическую беседу.

– Слушайте, я еду на митинг на площадь. Там меня ждут граждане, которых я туда созвал. Давайте вы проведёте свою беседу со мной после митинга.

– У меня есть приказ задержать вас и доставить.

– Что же, ввиду очевидного вашего численного превосходства и по причине того, что вы обладаете иммунитетом государства, вынужден подчиниться. Мои товарищи вам нужны?

– Нет, только вы.

– Я поеду с вами, я старший группы, – шепчет Кирилл.

– Пацаны, вы можете идти. Сообщите, что нас взяли!

Охранники медлят.

– Идите, хватит двух задержанных.

Неохотно Ананас и Панк уходят из снежного двора. Так следует поступить, пусть и очень хочется поступить иначе. Пассивная роль нас изнуряет, но мы ведь ввязались в мирное неповиновение.

– Куда садиться, капитан, где ваш автомобиль?

– Сейчас.

Капитан, видимо, не ожидал спокойного исхода дела, может, даже верил, что политические преступники вообще не выйдут, а если выйдут – попытаются убежать. Убежать нереально, их несколько десятков во дворе. Только одних милиционеров семеро. На рукаве капитана нашивка 2-го оперативного полка милиции.

Во двор вкатывает белый старый автобус. Дед и Кирилл за ним входят в автобус. Милиционеры особого полка рассаживаются вокруг задержанных. Впечатление такое, что они облегчённо вздыхают.

На самом деле Дед тоже облегчённо вздохнул бы. Задержание свершилось! Самая, может быть, нервная из милицейских церемоний.

2

В автобусе он было вернулся к теме Фифи, пытался понять, почему с таким энтузиазмом грызёт тело этой похотливой женщины-подростка. Уже полтора года он пытался разгадать секрет своей поздней страсти. Его философский афоризм, «совокупление есть преодоление космического одиночества человека, точнее биоробота, каковым является человек», – однако, не помог ему ещё понять, почему эта именно еврейка так его захватила. Он было мысленно провёл взглядом по всем её интимным частям, но капитан стал приставать к нему с вопросами.

– Вы не думайте что мы, милиционеры, не понимаем, что происходит. Я слежу за тем, что вы делаете, и во многом я с вами согласен, – забубнил из темноты капитан. Они

быстро ехали в центр города, и яркие витрины магазинов Ленинского проспекта просвечивали сквозь шторы.

– Я достаточно общаюсь последние десять лет с милицией, чтобы понять, что вы – часть народа, – ответил он.

– А как бы вы поступили с нами, приди вы к власти? – не отставал капитан.

Дед подумал, что капитану, возможно, не безопасно вести с ним подобную беседу в окружении ещё 12 милицейских ушей. Но ему жить, сам должен понимать.

– Я всегда выступал противником люстраций, – сказал он односложно. – Милиция нужна будет при любом режиме...

И замолчал.

На самом деле ему стало уже давно неинтересно вести подобные разговоры с милицией. Когда он только начал заниматься политикой, семнадцать лет тому назад, он как дитя радовался вниманию и сочувствию офицеров милиции и проявленному вдруг по тому или иному поводу их дружелюбию. Однако кульминация отношений с милицией давно позади. Кульминацией явился далёкий осенний день 1995 года, когда в исторический бункер на 2-й Фрунзенской улице явился вступать в партию настоящий живой мент Алексей с настоящим живым пистолетом. Алексей и стал через год его первым охранником. За последующие годы Дед, тогда ещё не Дед, побеседовал с сотнями милиционеров. Он беседовал с ними на воле и в тюрьме, задержанный и не задержанный. Милиционеры ему в конечном счёте надоели. Они просты как мухи. Некоторые даже читали его книги. Ну и что, они всё равно исправно исполняют приказы и поступают с ним согласно приказаниям их командиров.

Когда они доехали до ОВД «Тверское», капитану передали по мобильному, что задержанного следует доставить в ОВД на Ленинском проспекте, то есть ровно туда, откуда они его взяли, недалеко от дома, где он проживал. Повезли. Через жидкие шторы автобуса было заметно, что толпа автомобилей на дорогах поредела. Стремительно приближался водораздел между Старым и Новым годом.

Капитан всё задавал вопросы. Подчинённые капитана всё чаще пользовались телефонами, то им кто-нибудь звонил, то они звонили. Соломенноволосяй охранник Кирилл дремал. Дед ответил десятку журналистов, побеспокоивших его в автобусе по телефону. Сообщил, что был задержан прямо у подъезда дома, где снимает квартиру. Сказал, что его везут в ОВД на Ленинском.

Попытался вернуться к своей девке. Как насекомое падал на её тело сверху, опять взмывал и наблюдал её лежачей, и даже влетал ей взглядом под короткую молодёжную юбку, одним словом, пытался бесчинствовать, обонял её и осязал. Но милицейские солдафоны галдели и мешали ему. Один из них потребовал у товарища, чтоб тот открыл окно.

– Ну уж нет, – сказал Дед. – Я простужен. Вы хотите меня угробить?

Мент упорствовал, требуя воздуха. Сошлись на том, что откроют ненадолго, и закроют. Дед надел отцовскую шапку, вдвинул голову глубоко, поднял воротник и кое-как пережил экзекуцию. А тут уже они и приехали. ОВД помещалось за забором, не совсем обычно. Видимо, в новых районах это был типовой проект, в то время как в старых употребляли старые здания.

Им открыли ворота, и они въехали. И стали. Капитан пошёл представляться местным милиционерам. Сопровождавшие высыпали на снег курить. А Дед опять стал думать о своей девке. Повезло мне с ней, с девкой, подумал Дед. Такой кусок девки! Интересно, будет ли она моей последней любовью или будут ещё девки? Природа даровала ему неплохую наследственность, по сути, он мог рассчитывать, как и его родители, по крайней мере на 86 лет, но он хотел жить ровно до той поры, пока сможет обслуживать себя сам. А дольше не хотел. И вообще, предполагал сам заняться своим концом жизни. Обдумать всё, чтоб никаких сюрпризов.

3

Он такое множество раз бывал в ОВД – в этих милицейских вонючих гнездах, что ничего нового увидеть не ожидал. И не увидел. Он мог бы увидеть генерала, самого главного мента города Моисея, как он издевательски называл Москву, однако ему не дали увидеть генерала. Потому что генерал не хотел, чтобы Дед его увидел. Быть может, генерал лично хотел провести с ним профилактическую беседу о недопустимости участия в несанкционированных митингах, но передумал. Скорее всего, так и было. Генерал Колокольцев уже однажды, ровно год назад, проводил с ним именно вечером предыдущего Нового года такую беседу, случилось это в кабинете начальника Тверского ОВД, как раз туда его подвезли сегодня, но перенаправили в этот, отдалённый от центра отдел. По какой причине перенаправили? Не стоило и гадать даже на эту тему. Причин могло быть множество, одна, или все вместе. Первыми пришли Деду на ум вот такие две:

Хотели удалить от журналистов и сторонников, которые традиционно скапливаются всегда у Тверского, требуя освобождения задержанных.

Имели послушных своих ставленников в ОВД на Ленинском и в местном мировом суде, чтобы осудить наверняка...

Дальше Дед думать не захотел. Ему сказали выходить. Он вышел из автобуса. Кириллу сказали погодить. Встречать его вывалили на снег местные милиционеры. Он молча прошёл мимо них, а они зашептались за его спиной. Он был уверен, что все милиционеры страны знают его в лицо. Возможно, он преувеличивал, но несомненно был недалёк от истины. За 17 лет политической борьбы в оппозиции его узнавала каждая собака.

Войдя в помещение, он привычно увидел два обезьянника, один возле другого, дежурку за стеклом. У двери, ведущей во внутренности отделения, столпились несколько женщин-ментовок в нарядных белых рубашках и галстуках. Женщины-ментовки во все глаза разглядывали его. Все многочисленные жёны Деда были красавицами, последняя по времени, актриса, родила от Деда двоих красивых детей. Дед, судя по всему, должен был интриговать милицейских дам. Видимо, он шокировал их своей отцовской шапкой. В их понимании роковые мужчины (а как же его ещё назвать?) таких шапок носить бы на голове не должны.

Его привели наверх, в милицейский актовый зал, и сказали сесть. В зале висели на стенах плакаты – учебные пособия по обращению с личным оружием, где изображены были менты, стреляющие из пистолетов с одной руки, с двух рук... Висел там кодекс милиционера, и висели фотопортреты главы государства и министра внутренних дел. Он сел спиной ко входу и не снял шапки, потому что в зале было ну очень холодно. Он поблагодарил сам себя за предусмотрительность опытного человека, за предусмотрительность бывалого зэка, за чёрные трико под джинсами, за три свитера и две футболки.

Пришёл приземистый бородач в растянутом свитере и попросился сесть рядом:

– Не возражаете?

– Нет.

– Давно мечтал с вами познакомиться.

«О shit!» – досадливо подумал он по-английски. Опять не дадут помедитировать на мою девку, будут раскрывать мне свою милицейскую душу. «Как они все мне надоели», – подумал он. Однако он, рассматривающий свою жизнь как миф, нечто среднее между мифами о Геракле и мифом об Одиссее, понимал, что так нужно, нельзя же чтоб совсем безлюдно, все эти персонажи стражников и легионеров так же нужны в драме, в трагедии его жизни.

Бородач был из оперативного отдела ОВД. Признался, что раньше работал в Центре «Э», то есть занимался тем, что выслеживал активистов оппозиции.

– В том числе занимался и вами и вашими сторонниками. Я почти все ваши книги прочёл, – признался бородач.

Дед пытался в это время нащупать в воображении свою свежую чудесную любовницу, вспоминал, как она любит, проснувшись, прыгать стоя на кровати, о тонконогая! – а тут тебя отвлекает прокуренный тип в растянутом свитере...

Бородач забрал его в свой кабинет, где, слава Богу, было тепло. Они вознамерились снять с него отпечатки пальцев. «Они», потому что в кабинете находилась ещё ментовская дама. Отпечатки его имелись в нескольких отделениях в городе Моисея, имелись в Петербурге, в нескольких европейских странах и в Америке. Отпечатки его можно было получить в мгновение ока из их ментовского компьютера, Дед был уверен в этом. Но они хотели, чтоб он понервничал, покричал, отказался бы, а им пришлось бы его заставлять. Потому Дед только усмехнулся и сказал: «А чем обмыть пальцы, хозяйственное мыло-то у вас есть?» Бородатый был готов, как показалось Деду, отменить дактилоскопию, ведь Дед не разозлился, но не отменил. Дама аккуратно накатала валиком его пальцы и оттиснула на их сраных формах.

– Детям буду рассказывать, у кого пальчики катала, – с придыханием сказала она. Бородач указал на раковину с горячей водой, дал губку и мыло. Эти типы были из тех, что повесят тебя по приказу, но благоговейно будут хранить верёвку, на которой повесили.

После дактилоскопии дама сфотографировала его у рейки в профиль, фас и полупрофиль. Вот это уже ему не понравилось.

– К тюрьме, что ли, подготавливаете? – спросил он.

– Как скажут. Будем надеяться, что нет, – вздохнул бородач.

– А что, «фабулу» ещё не прислали? В чём сегодня обвинять будете? В убийстве?

– Нет ещё, – честно ответил бородач. – Не прислали ещё. Ждём.

«Фабулой» на милицейском жаргоне называется лживый текст милицейского рапорта, который следует скопировать задержавшим нарушителя милиционерам. «Фабулу» присылает начальство. В моём случае, подумал Дед, фабулу наверняка сочиняют в Администрации Президента. Или нет?

Его отвели обратно в зал. Там было так же холодно. Пришла в брюках, лёгкой жилетке и шёлковой рубашке тощая блондинка, села неподалёку и углубилась в кипу подшитых бумаг. Когда блондинка стала задавать ему вопросы, он понял, что это его уголовное дело.

– По какой статье вы были осуждены?

– 222, ч. 3.

– Какой срок приговора?

– Четыре года. А в чём дело? Я своё отсидел, вышел условно-досрочно.

– Да нет, ничего. Мы и не подозревали, что у вас были такие статьи: организация вооружённых формирований, терроризм.

– В ходе судебного процесса эти обвинения не нашли подтверждения, не было достаточно доказательств. А вам не холодно?

– Я привыкла. А кто у вас был адвокат?

Ему и это не понравилось, как и фотографирование в трёх ракурсах. Хотя он понимал, что его пугают.

– А где правонарушители и преступники? Это что, из-за меня всех нагнали в шею?

– В каком-то смысле да. Сам начальник ГУВД был, ну мы старались не упасть лицом в грязь. Новый год, а мы тут сидим из-за вас.

- То-то у вас и запахов нет. Обычно ОВД воняет.
- Мы пока воняем слабо. Не старые ещё стены у нас.

Блондинка ушла с папкой вместе. Он подумал, что от этих уродов всего можно ожидать. Могут и старое дело открыть по вновь открывшимся обстоятельствам.

4

Пришёл майор и принёс прошитое дело.

– Читайте.

И стал рядом, ожидая. К нему присоединилась милицейская женщина.

Он стал читать нудные милицейские бумаги. Его обвиняли по ч. 2 статьи 20.2. Статья эта – обещала, насколько он помнил, лишь штраф. Но когда он дошёл до показаний двух свидетелей – милиционеров 2-го оперативного полка, двух из семи, которые брали его у подъезда и ехали с ним в автобусе, он остолбенел от наглости обвинения. Его обвиняли, будто бы он, стоя на Ленинском проспекте, ругал нецензурными словами прохожих. Некая женщина якобы вызвала милицию, и патруль 2-го оперативного полка, дежуривший почему-то неподалёку, приехал. Он, Дед, встретил патруль нецензурной бранью, и когда ему предложили пройти в милицейский автомобиль, он сопротивлялся патрулю физически, отталкивая их. Так и было написано: «оказал сопротивление». Это сопротивление прямоком могло завести его в Уголовный кодекс, в статью, кажется 318-ю, по которой можно было так простенько получить несколько лет за решёткой.

– Вот подлецы! – сказал он вслух. – Всё ложь! – при этом он поднял голову на майора. И на милицейскую даму в чине лейтенанта. Те посмотрели на него глазами животных. Вдруг стало понятно, что в зале очень холодно, что власть не шутит, и никогда не шутила, и что она способна достать и его, Деда, человека опытного, закалённого годами тюрем.

Если бы он был молодой человек, он бы взорвался криками негодования. Он же ограничился тем, что написал в объяснении: «Всё ложь!», и ещё прибавил пару строчек. Отказался отдачи показаний согласно статье 51-й Конституции Российской Федерации.

Майор сложил свои бумаги и сообщил, что сейчас они поедут в суд. Видимо, они торопились осудить его до наступления Нового года. На некоторое время он остался один, если не считать опера с видеокамерой. Опер снимал его только что, читающим милицейские бумаги, и остался где-то за его спиной. Дед подумал было, что нужно обернуться и посмотреть на опера, но не стал. Вместо этого он принялся вспоминать своих маленьких детей. «Червячки любимые» в его воображении явились красивыми и грациозными, как в жизни. «Они как свежие цветочки», – подумал он. Некоторое время он любовно рассматривал своих деток, плавающих в его воображении. Это занятие показалось ему очень уместным за несколько часов до Нового года. Дети-ангелы должны являться своим отцам красивой картинкой под Новый год.

Внизу в коридоре он встретил и словоохотливого капитана 2-го оперативного полка и его подчинённых. Двое из них: тучный брюнет с украинской фамилией, заканчивающейся на «о», и худосочный блондин из бедной деревни во Владимирской области. Капитан был мрачен. А лжесвидетели мялись и глупо улыбались, как школьники.

– Эх вы, ребята! – сказал Дед. – Зачем неправду написали? Совести у вас нет.

Они даже не ответили ему какой-нибудь мерзостью. Не послали. Не заорали вызывающе, что-нибудь вроде «Молчать! Задержанный!». Они улыбались, отводя глаза, как нашкодившие тупые школьники. И капитан, распинавшийся в автобусе, когда везли Деда сюда, молчал. Он уже не мог претендовать на принадлежность к той же группе человечества, что и Дед. «Вот тебе, бабушка, и общечеловеческие ценности. Вот тебе, капитан, ваше истинное лицо, а то присоединился», – подумал Дед. И вдруг неожиданно добавил для себя: «мент

поганый». Он ведь недаром отсидел несколько лет и встретил за решёткой несколько Новых годов. Какая-то часть его стала з/к. Пишется как дробь, з/к.

В автобусе все молчали. О чём он мог с ними говорить теперь, когда они дали на него ложные показания. Ему и до этого не о чем было с ними говорить.

Они прикатили в суд, нарушая все правила движения. Видимо, был такой приказ. За автобусом ехали ещё менты из отделения. На своей машине. Командовал ментами из отделения психопатичный подполковник в коротком кожаном пальто с воротником того же каракуля, что и папаха. Им открыл дверь ленивый толстый пристав в бронежилете, и всей толпой они пошли по лестнице вверх. Нигде не было ни души. Только он, Дед, и свора вооружённых людей в форме.

5

Пришли в коридор со многими дверьми. В нормальное время тут, без сомнения, кипела судебная жизнь, сновали секретари суда и судьи. Жались по лавкам обвиняемые и свидетели. Дед сел на лавку и снял отцовскую шапку, потому что в суде было тепло. Посидев пару минут, он встал и подошел к стенду, где вывешиваются объявления. Ему хотелось понять, куда его привезли, что за участок, кто судья...

Не тут-то было. К нему уже летел психопат-подполковник.

– Сядьте! Сидите и ждите! – закричал подполковник. Он снял папаху, как Дед свою шапку, и под папахой оказался брит и лыс. Подтверждая полковничий крик, один из милиционеров с измождённым лицом двинулся на Деда, сигнализируя Деду телом, чтоб сядился.

– Вот психи! – сказал Дед и сел. И стал думать, отчего они такие психованные. И пришёл к выводу, что в психопатию их ввёл главный мент города Моисея/ Моше – генерал Колокольцев, приезжавший подготовить его, Деда, визит к ним. «Ты, старый, – сказал себе Дед, – не забывай, что ты числишься главным смутьяном России. Менты ведут себя как психи от страха. Боятся, что сделают что-нибудь не так. Ну, посуди сам, у них была в их отделении размеренная ментовская жизнь, был последний день перед Новым годом, они уже к салатам оливье и к жирным жёнам собрались, все кроме несчастливых дежурных, и тут пожалте, прилетает самый главный милицейский генерал города Моисея. Буквально стрелой, видимо, пронзил весь город кортежем генерал с упитанными щеками. Стоять! Как стоите! – чтобы им проорать инструкции.

Пока он ехал (всё же через город Моисея не быстро проехать даже ему), они срочно выгнали всех задержанных хулиганов, дебоширов и алкоголиков на улицу. Вот кому повезло! На улицу, чтоб не воняли! Перед этим заставили их быстро-быстро подметать и мыть полы. Менты достали из шкафов белые рубашки, шеи в галстуки, перегар перешибли одеколонами, и стали, глаза навывкате. А генерал, я думаю, напрямик прошёл к начальнику отделения, возможно, к этому психованному подполковнику, на хрен ему, генералу, в их не подметенные углы соваться. Подполковнику генерал устно сообщил, что от него требуется.

– Сейчас к тебе привезут Деда, подполковник. Дед – главный смутьян России, пользуется огромным авторитетом и доверием, имеет влияние. Его надо оформить на высший срок по КоАПу, суд предупреждён. Напугать Деда не напугаешь, он тёртый калач, но своё слово я должен сдержать. Я лично обещал оппозиции наказание за митинг в новогоднюю ночь по всей строгости закона. Вот и получают по всей строгости, Дед в первую очередь. Однако вести себя с ним следует вежливо и осторожно. Никаких излишеств. Строго по закону».

Его повели в зал суда. Так быстро, что он не успел дочитать фамилию судьи на дверной табличке, успел первые три буквы прочесть: «НЕУ...» Неу?

Зал был небольшой, и жёлтый от ночного света. Он сел на лавку. Разместились в зале и милиционеры. Получилось, что в зале нет ни одного гражданского. Прямо как у какого-

нибудь Пиночета, под фашистским режимом суд. Подполковник-псих, впрочем, остался за дверьми.

Он стал звонить своим адвокатам. Оказалось, найти в новогоднюю ночь адвоката в городе Моше/ Моисея так же нелегко, как не простреленный дорожный знак на улицах Кабула. Главный его адвокат, бывший его защитником на процессе, где он получил четыре года вместо четырнадцати, – был в Таллине. Ещё один адвокат, Тарасов, старый кадр, бывший следователь по особо важным делам, улетел в Париж, по приглашению бывшего клиента – вора в законе. Третий жил в подмосковном городе, и с испугом сообщил, что раньше второго числа никуда не выдвинется. Четвёртый согласился приехать, однако вот незадача, после нескольких фраз, которыми Дед и адвокат обменялись, сел аккумулятор мобильного телефона и телефон погрузился во мрак.

Дед стал ругать себя последними словами за то, что не озаботился зарядить телефон перед митингом. Заплатить за телефон он озаботился, утеплился, очистил карманы, не пил много жидкости (чтоб не проситься лишний раз у ментов в туалет), а вот зарядить телефон не догадался. Единственное оправдание, которое он себе позволил, – мысль о том, что батарея аккумулятора в телефоне работала на него уже несколько лет, и телефон стал подавать предупредительные сигналы, квакать, что он разряжен, только за пару часов до самоотключения.

Вошла старуха в шубе. Старая еврейка. И тотчас вошёл судья. Все встали. Судья был лыс, у него был дегенеративного типа череп, полные губы быстро и твёрдо выговаривали твёрдые фразы. По правде говоря, судья был как персонаж американских дьявольских триллеров, с таким личиком он мог претендовать на главную роль Люцифера, этот судья. У судейских, подумал Дед, у судей, прокуроров и следователей вообще ярко-неприятные античеловеческие лица. Он вспомнил «своего» следователя ФСБ Шишкина по уголовному делу № 171, у того был вид зловещего анемичного Щелкунчика.

– Подсудимый, – сказал судья, – суд назначает вам адвоката. – При этих словах старуха встала, он назвал её фамилию, имя, отчество, что-то вроде Гольдберг или Гольденберг. У старухи было синюшное, полумёртвое лицо, и шуба выглядела облезлой.

– Я не хочу вашего адвоката, – сказал Дед. – Я ей не доверяю. У меня есть свой. Будьте добры позвонить ему и пригласить. – Он назвал номер четвёртого адвоката.

Судья недовольно сморщился, но энергично вышел в свою комнату для совещаний. Тотчас вернулся.

– Телефон не отвечает. Начинаем процесс.

– Позвольте, – сказал Дед. – Я хочу воспользоваться услугами моего адвоката и хочу пригласить моих свидетелей.

– Телефон вашего адвоката не отвечает. Ваши свидетели явились?

С таким произволом Дед ещё не сталкивался. Его судили административно раз четырнадцать или пятнадцать, или семнадцать?

– Как по-вашему, я что, вожу с собой свидетелей в милицейском автобусе? Когда бы я успел их вызвать?

Судья уже читал быстро-быстро текст его прав и обязанностей и спросил, что он имеет сказать. Дед, разумеется, встал.

– В 16 часов я и товарищи, находившиеся со мной в моей квартире по адресу (он назвал адрес) заметили, что во дворе скопились как оперативные работники, так и милиционеры в форме. Я связал их присутствие с тем обстоятельством, что я готовился отправиться на митинг на площади (Дед назвал площадь), куда мы собираемся традиционно вот уже два года, дабы отстоять свободу собраний. В 17.02 на выходе из подъезда дома, где я снимаю квартиру, я был задержан милиционерами 2-го оперативного полка милиции. Заявляю, что при задержании лозунгов не выкрикивал, нецензурно не выражался. Сотрудники милиции

сообщили мне, что меня задерживают для того, чтобы провести со мной профилактическую беседу о недопущении проведения несанкционированных митингов. Я спокойно прошёл с ними в автобус и был доставлен в ОВД, что на Ленинском проспекте. Свидетелями задержания с моей стороны были четыре человека. Прошу отложить процесс и дать мне возможность вызвать свидетелей и воспользоваться моим адвокатом.

Монстр-судья и бровью, как говорят, не повёл. Он вызвал одного за другим милиционеров-свидетелей. Первым вошёл тучный сержант с хохляцкой фамилией на «о». Он повторил, запинаясь и потев (в зале стало жарко, адвокатша расстегнула свою шубу), лжесвидетельские показания, «фабулу», сочинённую вверху, вероятнее всего в самой Администрации Президента. Ну, на худой конец, генералами ГУВД.

– Ложь! – воскликнул Дед.

– У вас есть вопросы, обвиняемый?

– Есть. Скажите, свидетель, каким образом вы оказались на Ленинском проспекте? Рутинное дежурство на городских улицах не входит в обязанности 2-го оперативного полка. Само название вашей части говорит о её употреблении в особых случаях. Что выделали на Ленинском проспекте?

Тучный сержант задумался и со скрипом выдал ответ.

– У нас был приказ патрулировать на Ленинском проспекте.

– Хорошо. Скажите, свидетель, как я вам сопротивлялся?

– Вы нас отталкивали, вы шли на нас и отталкивали, и ругались нецензурной бранью.

– И последний вопрос. У вас совесть есть, свидетель?

– Не оскорбляйте свидетеля, обвиняемый, – сказал судья.

Второй свидетель. Лысоватый молодой блондин из деревни во Владимирской области (Дед, впрочем, не знал, откуда он на самом деле, но придумал себе, что из Владимирской. Такие худосочные рождаются только там, убедил себя Дед) повторил ту же «фабулу». Дед не стал его спрашивать, есть ли у него совесть. Дед понял, что совесть – понятие старомодное, годное к употреблению разве что для таких людей, как он сам, родившихся в конце Великой Отечественной войны, и то не для всех.

– Послушаем мнение защитника.

Гольдберг или Гольденберг сказала, что, с одной стороны, её подзащитный, то есть Дед, дал показания, что не бранился нецензурной бранью, но, с другой стороны, два свидетеля милиционера утверждают, что он бранился, и у неё, Гольдберг/ Гольденберг, нет оснований не доверять показаниям милиционеров.

Дед вздохнул. Старая женщина исполнила нехитрые обязанности «кивалы», как говорят эски, то есть соглашалась с судом, для того её и держали и подкармливали в этом суде. Жила она, по всей вероятности, совсем рядом, её вызвали, чтобы она, сидя в облезлой шубе и шапке, символизировала «законность» процесса, намекала бы на его соревновательный характер. На деле боязливая старая еврейская женщина символизировала бессилие и покорность.

Судья, перелистав документы и назвав их, спросил, не хочет ли обвиняемый что-либо добавить.

– А чего тут добавлять, – сказал Дед преспокойным тоном. – Нечего добавлять. С вами мне всё ясно.

Судья сказал, что он удаляется, для того чтобы вынести решение. Было уже без четверти десять вечера 31 декабря, потому что именно это время показывали часы на стене.

Дед оглянулся. На самой задней скамье сидел капитан 2-го оперативного полка. Лицо у него было невеселое. Человек был явно не доволен и собой, и происходящим. По всей

вероятности, ему дали приказ поехать и задержать. Дед знал командира 2-го оперативного полка, полковника. Друзьями Дед и полковник быть не могли, однако когда Деда задерживали на самой площади, его последние несколько раз задерживал этот полковник. Если посмотреть на фотографии задержаний Деда на площади, их в Интернете множество, то полковника можно обнаружить рядом, держащегося за Деда. Полковник, впрочем, был спокойным типом, во всяком случае по отношению к Деду. Хотя иной раз ситуация выходила из-под контроля. Как, например, 31 октября, когда Деда насильно тащили на чужой митинг. Вниз головой. Уронили на асфальт. Есть фотография его на асфальте, над ним как на картине «Пьета» (по видимому, по-итальянски значит «оплакивание») наклонился, прикрывая его собой, старший охранник Михаил. Впрочем, точнее – товарищ по партии. Дед называл охранниками товарищей по партии, охранявших его.

Да, капитан недоволен. Ему дали приказ, но, видимо, не предупредили о таких деталях, как лживые свидетельские показания. Одно дело просто задержать, а вот лживые свидетельские показания, на основании которых этот известный всей стране человек в старомодной шапке отправится под арест – это уже другое дело, неловкое какое-то, нехорошее. Сам капитан устранился от лжесвидетельствования, но солгали его подчиненные. Дед подумал, что капитан, вероятнее всего, пинает себя зато, что вёл с ним почти дружеские разговоры в автобусе после задержания. Если бы капитан молчал, всё бы сейчас выглядело по-иному.

Он сказал, что ему нужно в туалет, и его с поспешной готовностью отвели туда давшие лживые показания свидетели. В коридоре он увидел Кирилла, тот весело сидел на лавке. Кирилл крикнул ему, что его будут судить после Деда.

Вернувшись в зал, он сел поудобнее и стал нежиться в жаре. Понимая, что, по-видимому, суд – это единственное место, где жарко, и впереди подобной жары не предвидится.

– Вам не жарко? Вы бы сняли пальто, – обратилась к нему Гольдберг или Гольденберг. Сама она сняла шапку и расстегнула шубу.

– Пар костей не ломит, – ответил он односложно.

И подумал, что адвокатша наверняка живёт одна в крохотной, пыльной, заставленной старой мебелью квартире, где у неё есть старая кошка. И вонь от этой кошки пронзает лёгкие всякого, кто приходит к старухе. А, впрочем, никто и не приходит. Муж её давно умер, дети уехали в Германию, на окнах у неё три ряда штор, потому света минимальное количество, отсюда у старухи такая синюшная старая кожа лица. И он погрузился в жару и стал выбирать тему для медитации: дети либо девка Фифи. Выбрал девку.

6

Тоненькая фигурка рослой девочки-подростка, большие восточные глаза цирковой лошади пони, чуть вздёрнутый нос, жёсткие чёрные волосы как у кобылки, с недавних пор стриженные в «каре», неутомимость в постели и вне постели. Вначале он сравнивал её с козочкой, потом стал сравнивать с кобылкой...

– Ну как же так долго!.. – вздохнула Гольденберг.

– Последний раз судья выносила решение три часа.

– Три часа?! – плаксиво сказала адвокатша.

– А вы идите, чего вам, Новый год скоро...

– Я не могу, я дежурный адвокат, – Гольденберг произнесла эту фразу с важностью.

Надо же, она ещё и гордится собой. Дежурный адвокат!

...Фифи к тому же чужая жена. У неё есть неразведённый муж. По её словам, они живут раздельно, однако пару раз он наткнулся на мужской домашний голос в её телефоне.

Домашний, имеется в виду, что такой спокойный, не тревожный, владелец такого подразумевается в тапочках и имеет право находиться с её телефоном в руках. Фифи говорит, что у них приятельские отношения. А там черт её, Фифи, знает. Женщины часто врут для удобства мужчин. Они не хотят отягощать наше сознание своими проблемами. Молодые самцы этого не понимают и воспринимают женскую ложь как оскорбление. Это неверно. Фифи лжёт?..

– Я одиннадцать лет в органах. Хочу уйти, устал... Бу-бу-бу. Молодёжь, которая приходит... Бу-бу-бу-бу. Я дважды был в Чечне... в командировках...

Вынырнув из своей жары, Дед слушал теперь обрывки разговора между измождённым лейтенантом и адвокатшей Гольдберг/Гольденберг. Ну конечно, он был в Чечне, откуда ещё можно вывезти такое лицо, где ещё можно такое лицо приобрести... Лейтенант изображал усталого милицейского Гамлета, но адвокатши ему было мало. Он метил в него, в знаменитого человека, в VIP-персону, хотел задеть как-то.

– Наша интеллигенция не понимает, что мы в милиции делаем грязную работу и рискуем жизнями. Я потерял лучших друзей... Вот он, что он знает...

Дед знал всё. В нем было столько опыта, что лейтенант с его Чечней и милицейскими буднями был как младенец рядом с чёртом. Он кашлянул и, неожиданно для себя, сказал:

– Вы на одной войне были. А я на пяти. И я не интеллигенция. Я на заводах работал.

В зале стало тихо. Милиционеры, негромко галдевшие до этого, замолчали.

– Я и в Сербии воевал. И в атаки ходил несколько раз.

– Ну и что эти сербы ваши, рыпнулись и получили по голове, – сообщил лейтенант. Из ответа стало ясно, что он неприятен лейтенанту, но он пнул сербов, чтобы не пинать его.

Дальше можно было с ним не разговаривать. Такой говнюк не стоил даже реплики. Но Дед всё-таки добавил:

– 12 миллионов сербов не могли победить коалицию из 27 стран. Но они храбро сражались. Не чета нам, отдавшим без выстрела полстраны.

И он ушёл опять в свою жару. И не реагировал более на бесноватого лейтенанта. Бывают такие говнюки.

Судья появился в одиннадцать без минут. Он был всё так же зловец и средневеков в своей чёрной мантии. Судья дал ему пятнадцать суток ареста. Ему выдали постановление суда. И повели уже в автомобиль ОВД, потому что он теперь числился за ними. Он успел сказать Кириллу, сколько ему дали. Лейтенант на переднем сидении, его повезли в ОВД.

По дороге лейтенант пытался продолжить беседу, но Дед не поддержал болтовню этого психа. Тогда псих (они уже въехали во двор ОВД) зло сообщил ему, что это из-за него он вынужден торчать на работе, он бы уже пил шампанское с семьёй, да ещё генерал из-за него приезжал, мы тут все из-за вас на ушах стояли...

– Я, как вы наверняка понимаете, к вам сюда не стремился. Я прописан на территории Тверского ОВД. Меня у вас тут спрятали, чтобы журналисты и сторонники не нашли.

В отместку лейтенант обыскал его в дежурке. Приказал вытащить из карманов всё, что есть, и выложить. Но забыл, лопух, и про поясной ремень, и цепочку не изъял. Шмон его был фальшивым, как и он сам, милицейский Гамлет. Чтобы унижить знаменитого человека, врага государства.

А враг государства был такого масштаба восточным философом, что их муравьиные игры были для него просто смешны. Он сидел в теле Деда и потешался над выводком ментов, наблюдая без интереса, как двуногие проявляют свои примитивные инстинкты. Они посадили его в кованого железа обезьянник. Обезьянник был слеплен из лоскутов железа, словно его сделал грузинский скульптор, какой-нибудь хитрый Церетели (а может быть, так оно и было? Получил от мэра подряд на изготовление обезьянников для московских ОВД?). Сидеть на виду у всех в железной клетке – удовольствие не из приятных. Однако там име-

лись такие цилиндрические радиаторы с горячей водой, и он с удовольствием прислонил к ним спину. Дед любил жару, ненавидел снег, белый цвет и холод лютой ненавистью. Если бы он мог, он бы их запретил: и холод, и снег, и белый цвет. Все эти три есть три измерения смерти, небытия, так верил Дед.

Ещё Дед активно не любил Город Моше/Моисея/ Мозеса – Москву/Мокшу. Жил он здесь исключительно по служебной необходимости. Здесь, потому что это столица государства, здесь находилось его место: здесь он воевал, его фронт находился здесь. Его долг, а чувство долга было в нём развито не менее, чем похоть, долг требовал от него находиться здесь. Вот он и терпел, и допускал, что ему придётся здесь и умереть. Хотя допускал без особой охоты.

Привезли Кирилла и посадили в соседнюю клетку, отделённую лишь полосами железа. Суд над ним перенесли на завтра, судить его будет тот же судья, фамилия которого начиналась со слога НЕ... Но судья взял себе перерыв на новогоднюю ночь.

Привалившись каждый к своему радиатору, они стали разговаривать. На Кирилла дали показания два других солдафона из 2-го оперативного полка. Его тоже обвинили в нецензурной брани и в сопротивлении милиции. Он бранился у того же самого дома, что и Дед. Вот только получалось, что они друг друга не видели. Бранились и сопротивлялись в одно и то же время, но в рапорте на Деда не упоминался Кирилл, и в свою очередь у Кирилла в его протоколе задержания не упоминался Дед. Власть упоенно лгала, не заботясь о правдоподобии. При царях солдат гоняли через строй и секли шпицрутенами. Вот бы восстановить такую практику для солдат 2-го оперативного полка...

7

Пришёл новый, может быть, дежурный, или старый, но доселе он не показывался, чуть ли не всплеснул руками, воскликнул: «Как же так можно!», и Деда вынули из обезьянника. Его провели вглубь ОВД, дежурный открыл ключом дверь, и Деда посадили в камеру с деревянным настилом, знаменитые в народе «нары».

В камере было не холодно, и уже за одно это качество он принял камеру дружелюбно. Отлить он отлил в суде, нужд у него на время не было, потому он сел на нары, привалился к стене и блаженствовал. Бывалый старый зэк. Что человеку нужно? Чтоб не холодно было, чтоб в туалет не хотелось, «чтоб милиционеры не били». Его девка ушла от него 29-го утром, похоть потому его не мучила.

Он же выпался, потому и не стремился заснуть. Ясно, что теперь, когда есть судебное решение, его должны отправить из ОВД отбывать арест в спецприёмник на Симферопольском бульваре, вряд ли куда ещё. Вот когда это произойдёт, было неясно... В камеру к нему глухо доносилось хлопанье дверей, голоса и даже запах тёплого теста? Пирог?

Да, вспомнил он, уже ведь двенадцатый, видимо, час, менты, наверное, озаботились пирогом. Да и выпьют втихаря по рюмке-другой... Новый год. А мне что Новый, что старый. Нам, татарам, – дело в том, что он был отчасти татарин.

В сером кубическом пространстве можно развивать воображение, ничто не отвлекает, не сбивает. Дед стал вспоминать свой прошлый арест.

Прошлый раз, тогда ему дали десять суток ареста, он сидел, ждал отправки в спецприёмник в Мещанском ОВД. Из уважения к столь значимой персоне – пусть оппозиционный, но политик – очень известный человек, его подсунили в комнату к дежурному. Дежурный, вообще-то он был участковый, лысый капитан под сорок, тяжело дышал и выглядел удручённым. Он уже создал 27 протоколов, а был только второй час ночи, и его ожидала лоша-

диная работа составления протоколов на 17 вьетнамцев, ещё на 6 торговков и 6 студентов, распивавших пиво в общественном месте, то есть на улице. А там ещё далеко до утра. Будут ещё задержанные.

Старый капитан обильно потел, кряхтел, чертыхался. Дед сидел на дряхлой лавке, повернутой к капитану в три четверти. Дед был в тот раз, как и сегодня, в чёрном своём бушлате, якобы american desk jacket, а на самом деле изготовленном в каком-нибудь штате Юнань, Китай. Ибо в наши времена ВСЕ изготавливают китаёзы.

Дверь в коридор была открыта, из расположенного напротив туалета (о, садист архитектор) мокро несло мочой всех задержанных вместе. Наблюдательный над жизнью Дед давно опытным путём сообразил, почему воняют общественные туалеты, сколько их ни чисть. Они воняют от смешения разных мочей (наверное, всё же «разной мочи»), даже если это моча вашей любимой женщины. А там была ещё и вьетнамская моча. Вьетнамцы, как зомби или сомнамбулы, с прорезанными на лицах вечными улыбками, прошкандыбывали много раз мимо Деда и дежурного. В довершение всего туалет ещё был затоплен до уровня ботиночных завязок. Добрая душа набросала, впрочем, кирпичей в это море. С рук Деда тогда, как и сегодня, в Мещанском скатали отпечатки пальцев, и ему пришлось, балансируя на кирпичках, отмывать пальцы и ладони.

Капитану позвонили. Продолжая писать, капитан отрывисто отвечал.

– Не знаю... Не могу ещё сказать... Нет... Понятно... нет... Ну почему я знаю... – и, наконец, сорвался в крик: – Мне ещё семнадцать вьетнамцев оформлять, мама, шесть торговков, шесть пьяниц...

В ответ, слышно было, мелким бисером наносил капитану уколы в ухо женский голос.

– Да, – сказал капитан измученно и выключил мобильник.

– Мать, – пояснил он Деду, – к обеду ждала. А меня запрягли. Они на нас как хотят, так и ездят. Штаты сократили, дежурить некому, вот буду здесь сидеть до утра. А я участковый, у меня сегодня встреча с гражданами была объявлена, вот придут, скажут, сбежал участковый или напился участковый... А я в этом говне... – он развел руками. – Сижу, вонь нюхаю.

– Почему не вызовут сантехника, тоже сократили?

– Ну да, а вы что думаете. Один сантехник на квартал. Зарплату прибавляют, но работать-то некому.

– Чего это он на нас так смотрит? Гипнотизирует? – Дед имел в виду загадочного вида нерусского мужика, интенсивно вляпавшегося глазищами в дежурку и её содержимое, то есть в Деда и капитана. Нерусский находился в обезьяннике с редкими толстыми прутьями, а стена дежурки была с той стороны плексигласовая.

– Узбек-дворник, напился, теперь отходит. Начальницу ДЭЗа всеми непотребными словами назвал, трезвеет, переживает, что выгонят, а у него четверо детей. Не выгонят, думаю, работник он хороший, и не пьёт, первый раз нажрался. Наши, русские, его сбили.

И все-таки он их гипнотизировал. Может быть не Деда, но капитана. Чтобы капитан, как зомби из фильма, подошёл к обезьяннику и огромным ключом отпер ржавый замок и выпустил бы узбека на свободу. Узбек верил в их, узбекское, вуду?

Привели ещё семерых вьетнамцев. Весёлый милиционер в расстёгнутом тулупе с пистолетом, сдвинутым под толстый живот, бросил в дежурку стопку взлохмаченных бумаг и три паспорта:

– Держи, Михалыч!

Дежурный застонал, встал и присовокупил вновь прибывшие бумаги к уже лежавшим на железном шкафу.

– Итого двадцать четыре. На всех шесть паспортов.

– Вы по-вьетнамски понимаете? – спросил Дед.

– Нет, конечно.

- А как вы будете их оформлять? Перерисовывать иероглифы?
- Как-нибудь. По русским регистрациям, у кого есть.

Между тем весёлый милиционер с пистолетом под животом запустил вновь прибывших вьетнамцев в обезьянник, где уже находились семнадцать их собратьев. Вьетнамцы приветствовали друг друга весёлым дружелюбным ропотом. Они так ладно и аккуратно расположились в своём обезьяннике, женщин посадили на лавку в глубине обезьянника, а мужчины все разместились шеренгами на корточках. Вьетнамцы были ярко одеты, как школьники, и такие же миниатюрные.

– Порядок у них, как в хорошем муравейнике, – сказал Дед.

– Да уж, этого не отнимешь, – сказал капитан, продолжая писать, – не то что наши.

– Я вижу, вы одно и то же на каждого пишете в трёх бумагах. Что, никто не догадается рационализировать труд, создав одну бумагу вместо трёх?

– Это было бы разумно, – согласился дежурный. – Но им же надо, чтобы мы мучались.

Дежурный оформил троих студентов, распивавших пиво на улице. Студенты по очереди проходили в дежурку, лицом к капитану, боком к Деду. Дежурный отбирал у них паспорт, писал протокол.

– И что им грозит?

– Штраф им выпишу, пойдут в банк, заплатят. Отпущу.

– Зачем вы всем этим занимаетесь?

– Велено, – сказал участковый, – велено, и занимаемся.

Потом дежурный стал оформлять торговков, которые до этого слонялись по коридору и причитали или собирались в группу и жаловались друг другу. Дед понял, что их взяли с угла улицы Сретенки и Садового кольца, где они обыкновенно торгуют.

– Аксёнова Надежда, – выкрикнул дежурный, и в дежурку протиснулась женщина с обветренным красноватым лицом, одетая в тёплый костюм лыжника.

– Ага, – сказал дежурный, – с каких это пор, Настя, ты стала Надеждой?

– Гы-гы, – осклабилась женщина.

Дежурный между тем заглянул в потёртую бумагу, поданную женщиной вместо паспорта. И заулыбался.

– Ты теперь у нас родилась в деревне Сосновка, Томской области. Сибирячкой стала. Ну и ну?

– Я её пятнадцать лет знаю, – обратился он к Деду. – Она из Белоруссии, муж у неё там, дети. Но она больше здесь торчит, всё на том же углу, деньги на семью зарабатывает. А муж у неё дома сидит, детей растит. Детей-то давно видела?

– Да меня два месяца не было, Николай Михайлович, только вернулась.

– Я его молоденьким стажёром помню, Николай Михалыча, – обратилась она к Деду, как к свидетелю. Лицо торговки при этом приняло сентиментальное выражение.

«Может быть, у неё с «молоденьким стажёром» была связь?» – подумал Дед. Капитан выписал торговке штраф, и она отправилась в Сбербанк, торопясь.

– Ну, и что мне с ними делать? – простонал капитан, взяв взлохмаченную кипу вьетнамских бумаг.

– А выгнать всех на улицу. Чтобы не оформлять, – посоветовал Дед и прибавил: – Я бы так и сделал.

Захрустел замок, и дверь открыли. Дед был вынужден вылезти из воспоминаний. За дверью стоял толстый милиционер в белой рубашке и в галстук.

– Собирайтесь, вас отвезут в спецприёмник.

– А что, Нового года ещё нет? – Дед вышел из камеры.

– Нет ещё. Двадцать минут двенадцатого.

Толстый стал закрывать дверь. Закрыл. Посмотрел на Деда.

– Я хотел вам сказать... Вы, это... не обижайтесь на нас. Мы тут ни при чём. С наступающим...

Дед хотел было ответить чем-нибудь язвительным по поводу «ни при чём», но воздержался. У дежурки его ждали три больших медведя-мента с автоматами. У одного по крайней мере медведя, он был с непокрытой головой, на бритой башке выделялись сообразительные и неглупые глаза. В их компании медведей Дед вышел и сел в милицейский форд. За воротами к ним пристроился автомобиль ДПС и возглавил пробег.

Автомобилей в снежной предновогодней Москве было совсем мало.

День первый

1

Новый год случился, когда они мчались из Первой Градской больницы. Медведю-водителю, самому крупному, позвонила жена и поздравила. Медведь сказал:

- Ну, вот уже Новый год.
- Точно? – спросил Дед.
- Ровно. Разве что одна минута первого.
- Поздравляю вас, ребята, с Новым 2011 годом!

Милиционеры словно ждали, чтоб он первый поздравил. Они его тоже тепло поздравили. «Чтоб вам в последний раз попадать», – пожелал бритоголовый. Пока в больнице они ждали врачей (откуда-то пахло жареным мясом), бритоголовый внимательно читал постановление о его аресте. Видимо, ему было нужно прочесть. Не то что взглянул, и всё, а читал и дочитал до конца.

В 00 часов 17 минут они вползли в сугробы у спецприёмника. И остановились. Вышли. Дед сам нажал кнопку звонка. Не спеша вышел милиционер без куртки, в одной шапке. Вглядевшись в Деда, под его черную шапку, милиционер воскликнул:

- Ба! Знакомые всё лица! Опять к нам? – и открыл калитку.
- Здравствуйте, – сказал Дед. – С Новым годом!

Дед был хитрая, пообтёртая по тюрьмам бестия. Он практически знал, что с администрацией пенитенциарных заведений нужно ладить. Не нужно ладить со следователями, пускаться в разговоры с прокурорами, никаких им уступок, железная решимость, отстаивание себя и своей позиции. А вот тюрьма – это твоё местожительство, тебе тут жить, даже если речь идёт об административном аресте. Человеку можно насолить, досадить, замучать его и угробить даже за сутки. Деду удавалось, не заискивая ни перед кем, нормально жить в трёх тюрьмах и на зоне.

Они вошли в спецприёмник. Смена была, как по заказу, наилучшая. Справедливый начальник смены, такие же вполне разумные менты в команде.

– О, – сказал начальник смены, – какие люди у нас опять! И в самый Новый год! Надолго к нам?

- До середины января. Пятнадцать впаляи.
- Что же вы на этот раз совершили?

– Сопротивлялся милиции, разбрасывал, как детишек малых, сержантов 2-го оперативного полка и при этом жутко ругался матом.

Все присутствовавшие, а сбежалось их уже с десятков, засмеялись или как минимум заулыбались.

Начальник смены, капитан, достал из сейфа бланк «Протокола личного обыска задержанного» и вышел к Деду. Деда усадили на стул, из глубины спецприёмника вызвали двух понятых. И как же коряво они выглядели! Морды испитые и обмороженные. Одеты страннейшим образом. На одном были кожаные штаны с заправленной в них «металлической» футболкой. С футболки скалился кто-то вроде Дьявола. Второй понятой, длинный и хилый, также производил впечатление свежеотловленного бомжа, в слишком большом для него пиджаке, явно с чужого плеча. «Что поделаешь, – подумал Дед, – мои современники некрасивы». Он замечал, что они некрасивы, не впервые.

Протокол содержал дату, и она была интересной датой: «Москва 2011 г. января 01 дня 00.20 часов».

Я, капитан милиции такой-то (должность и звание оперативного работника).

В присутствии понятых таких-то (оба из г. Зеленограда).

Произвёл личный обыск задержанного (Ф.И.О..)

При обыске было обнаружено и изъято:

Паспорт №... на имя (следует Ф.И.О.).

Кольцо белого металла.

Членский билет №... на имя (следует Ф.И.О.).

Ремешок брючный чёрного цвета б/у 1 шт.

Сотовый телефон Nokia №... чёрного цвета.

4 тыс. 770 руб. (четыре тысячи семьсот семьдесят рублей).

Чётки зелёного цвета.

2 руб. 60 коп. (два рубля 60 коп.).

Два отдельные эти рубля 60 коп. появились в последний момент. Прапорщик, в то время как капитан писал, не теряя времени обыскал Деда, ошупал пиджак и, ощупывая бушлат, обнаружил за подкладкой монеты. Казалось бы, чёрт с ними, но вдруг они были заточены на милиционеров?! Капитан не поленился, принёс тупой нож и ножом подрезал подкладку бушлата. Вынули 2 рэ 60 коп. и вписали в протокол. Позднее Дед обнаружил в подкладке ещё монеты, менты любят недоделывать то, что начинают делать.

На отдельном листке записали все его чёрные одежды: бушлат, шапка, пиджак чёрный вельветовый, сапоги на молниях, три свитера, все чёрные.

Так же как в 1-й Градской, обошлись поверхностным одним взглядом на его торс («Да не снимайте, только приподымите свитер!»), чтоб там не было синяков, чтоб не пришлось отвечать им, тем, кто эти синяки не ставил. Дед сказал, что никаких синяков, задерживали нормально, без эксцессов.

Понятые ушли.

– Куда бы вас? – задумался капитан.

– Как обычно, мне бы одиночный люкс, – подсказал Дед.

– Одиночного нет, есть один необитаемый, плохонький, и холодновато там.

– Сойдёт, – сказал Дед. – Вы же помните, я не курю, а ваши бомжи как начнут смолить...

– Обижаете нас, у нас всё больше знаменитости теперь сидят, – сказал капитан.

Пока ему налаживали необитаемый «люкс», милиционеры напросились сфотографироваться с ним, «для истории».

– Смотрите, вместо истории как бы вас эти фото в тюрьму не привели, – предупредил Дед.

– Мы и так в тюрьме, – отшутились менты.

Его отвели в «шестую». Там было пусто, и стояли семь двухъярусных кроватей. «Дальняк», то есть туалет, не вонял, из чего Дед сделал вывод, что капитан говорил чистую весомую правду, в «шестой» давно не обитали. Точнее, обитали, малочисленное семейство тараканов, самые предприимчивые, видимо, сбежали в соседние камеры поближе к хлебным крошкам и эковскому дерьму, здесь же остались самые-самые патриоты.

– Ложитесь так, чтобы мы вас через глазок видели, – попросил капитан.

И он лёг, так получилось, в самом центре камеры. Как потом наутро обнаружилось, в камере оставались ледяными два радиатора из четырёх, и он лёг как раз на границе тепловых поясов. Было ни холодно, ни жарко, а лучше бы жарко, он же немолодой человек, хотя никакой, конечно, не Дед, но он любил жару и не любил снег, белый цвет и холод, Вы помните?

Его девка, когда они стали избавляться от космического одиночества вместе, сказала ему в третью или четвёртую встречу:

– А ты энергичней моих молодых бойфрендов, неутомимый такой...

– Старый становлюсь...

– Какой ты старый. Нормальный мужик, только злой очень, видимо, внутри. Как зверь бываешь...

Произнесла она «зверь» с уважением. Он запомнил, и не всегда, но бывал с ней зверем. Он знал, что иные женщины любят грубость и насилие больше, чем ласку.

В их кладовке ему выдали две совершенно новые бязевые простыни, и такую же наволочку, от них даже пахло текстильной краской, они были в багровых тонах. Он взял себе нахально два одеяла и два матраса. Матрасы были тухлявые, но он не стал копаться в их кладовке, чтобы докопаться до лучших. Сойдут. Застелился он уже, вероятно, в третьем часу ночи. Тщательно подвернул простынь. Сделал себе ложе в лучшем виде. Тщательно разделся, сложил джинсы, свитера. Улёгся...

Обнаружил, что за дальней стеной глухо работает какой-то дальний мотор. Подумав, пришёл к выводу, что это работает вытяжка, как впоследствии и оказалось. Успокоившись относительно звука мотора (потом он вообще перестал его слышать), он обнаружил ещё одну помеху сну. Капли. Капли, он догадался, падают с высоты в красный таз, приспособленный под раковину. Следовательно, раковина протекает. Он встал и проверил всё это хозяйство. Закрутил плотно кран. Успел увидеть несколько путешествующих по дальняку, по его чугунным башмакам («сабо» называют их французы, у которых сантехника в пору его пребывания в Париже была совсем средневековая) тараканов. Он не стал их убивать. Ну, живут и живут у туалета и под раковиной насекомые. Он всегда был готов делиться с животным миром территорией. Вот клопы и клещи – отрицательные существа. А таракашки, ну чего с них возьмешь... Он отнёсся к ним демократически.

Только он было смежил веки, как на улице стали взрывать петарды. Он вспомнил, что у обывателя Новый год. И уже их детки выбрались из-за столов, где остались пьянствовать и жрать взрослые, спустились на улицу, соединились там в толпу оскаленных мальчиков и девочек – придурков, и стаей, кто кого переплюнет по количеству взрывов, пошли взрывать. Он хорошо понимал тех американских ли, русских ли отставных военных, кто, поворочавшись в своих постелях в штате Миннесота или в Ростове-на-Дону, шли к шкафам, вырывали оттуда винчестер или пневматику, и начинали палить по пёсым головам деток.

«Чтоб вы умерли молодыми! Чтоб ваши дети родились беспальными, если вы не умрёте молодыми и доживёте до репродуктивного возраста!» – воскликнул Дед, обращаясь в сторону окон, а их было в камере ни много ни мало целых три. «Новый год». Хорошо, что он не будет видеть пятнадцать дней повального пьянства и свинства, поскольку просидит их здесь, в спецприёмнике...

В прошлый раз свои десять суток здесь он просидел с очень большой пользой для себя. Проштудировал шесть важных научных книг, сделал полсотни страниц выписок и записей своих размышлений. Нашёл у человека «инстинкт убийства», такой же легитимно-нормальный, как и инстинкт самосохранения. Этим открытием инстинкта убийства он посрамил Ницше и особенно Фрейда, который ошибочно обнаружил в человеке стремление к смерти. Отлично он провёл тогда время. Сидел он в «четвёрке», там всего три койки стояло. Он надеялся, что и в этот раз отсидит с пользой для себя.

Единственное неудобство состояло в том, что он и его девка Фифи планировали, что проведут несколько дней вместе, может быть, даже дня четыре. Она ушла от него 29 декабря, а уже 30-го улетела в Германию, полетела она туда с трёхлетней дочерью, чтобы оставить её

там. Дело в том, что в Германии жили родители его девки. Так что она отправилась с дочкой к дедушке и бабушке. Впрочем, оба были моложе Деда. Ха.

– Я хотела взять обратный билет, на пятое или шестое. Но решила подождать, потому что у тебя митинг, мало ли что... – сказала она ему смущённо. Он одобрил её решение, потому что был уверен, что на этот раз его опять упрячут за решётку. Ей он не сказал, что уверен, мужчины не должны пугать женщин. Что будет, то будет.

2

Шантрапа эта употребляла свои петарды конвульсивно. То бросалась в атаку со множеством взрывов, то неожиданно стреляла одиночными, соблюдая дистанцию тишины.

Он решил успокоиться, в конце концов, у него будет возможность выспаться. Решив это, он открыл для себя, что, в сущности, давно уже спокоен. С того самого момента, как сел в автобус с милиционерами 2-го оперативного.

Исходя из многочисленных наблюдений над самим собой, он знал, что перед каждым выходом на арену к диким зверям за какое-то время до даты выхода в нём нарастало беспокойство. И что нарастающее беспокойство закончится как раз в момент выхода на арену, в момент столкновения с дикими зверями. Собственно, если развернуть метафору полностью, то в облегчённом варианте он и его сторонники каждый раз уподоблялись первым христианам, выходившим на арену цирков Римской империи. Даже зрелищно площадь, на которую они выходят, напоминает в окружении высоких зданий эдакий котлован римского цирка.

Сгоняемые каждый раз милицейские легионеры оперативного полка, ОМОНа – особых отрядов милиции, войск МВД (сторонники Деда презрительно называют их «портянками») – суть точные копии римских легионеров, ей-богу. Начальник Управления безопасности, генерал Козлов, ей-богу, просто вылитый Понтий Пилат. Особенно когда его морщинистая шея и складки лица облечены в гражданский костюм, милицейская форма всё же привязывает генерала Козлова ко времени.

Ослепительно бьют прожектора (факела) в арену. Шум, гул, милицейские в костюмах «космонавтов». Толчея, волна журналистов, сливающаяся со ступеней от входа в метро, группы граждан там и сям, жестикулирующие, пытающиеся кричать, к ним бегут легионеры... превращаясь в диких зверей, кидающихся на первых христиан.

Два года назад они и в самом деле были дикие. С перекошенными злобой лицами. Дед отчётливо помнил тот ослепительный январский день два года назад, когда он впервые вышел со своими сторонниками на эту площадь. Милицейские войска и оперативники уже и не ждали их. А он вышел со стороны 2-й Брестской улицы и прошествовал к памятнику. Стал там в окружении группы первых христиан. И уже бежали к нему вперемешку теле- и фотожурналисты, омовцы, опера в парках, космонавты, все рода войск, видны были подошвы взметаемых их сапог, весь этот вихрь нёсся на него и кучку христиан. Они не давались и вступили в безмолвное пассивное сопротивление, ударить людей Цезаря было нельзя, но можно было не дать им вырвать из группы христиан их знамя, его, Деда.

Сколько людей лежало на нём, было не сосчитать. Он кричал: «Не задавите меня, легче!» Существуют фотографии, висят где-то в дебрях Интернета, где части тела Деда видны из-под барахтающихся на нём тел и зверей, и его сторонников. Когда его вынули и потащили в плен, к автобусу, на нём висели шестеро зверей...

Дед перевернулся на своём тюремном ложе. «Да... да...» – сказал он вслух и услышал себя в пустой камере. «Да! – передразнил он себя. – Христиане выходили на арену один раз. А тебе приходится... ты уже сколько раз выходил? Подсчитай». Он стал загибать пальцы. Пальцы он видел, в окна било уличным городским светом и над дверью камеры горел утопленный в стену ночник. Получилось загнуть тринадцать пальцев.

«Тринадцать выходов к диким зверям это тебе не хухры-мухры, старый. Это нервы надо иметь. Ну ясно, публично у нас в стране ещё не убивают, но, во-первых, в любой момент могут начать убивать публично, да и случайно могут затоптать, попасть ногой-рукой не туда. Инвалидом с арены запросто могут унести...» К тому же туда выходят не только милицеские легионеры. Эти худо-бедно, но связаны какой-никакой ответственностью и дисциплиной, ориентированы на приказ. Но выходят и третьи лица. Где гарантия, что в свалке ему не пустят нож между рёбер. Дед понимал, что, каждый раз выходя на арену площади, он делает шаг в неизвестность, отдаётся на произвол судьбы. Первые христиане выходили к зверям единожды. Требовалось мужество, но единожды. Ему приходится выходить «многажды».

«Вообще-то, – сказал он себе, – признайся, старый, что к тебе всё-таки проникла тревога. Каждый раз перед выходом на арену у тебя выкручивает всё твоё тело, оно болит от тревоги. Это твоё тело борется с инстинктом самосохранения. А когда выходишь на арену, в тот момент боль тебя тотчас отпускает.

Помнишь, в последней сцене “Фауста” к нему в цитадель (сквозь замочную скважину!) всё-таки проникла тревога... Тревога – наказание Старых Больших храбрых людей. Тревога проникла и к творцу Фауста Иоганну Вольфгангу Гёте. Тема Фауста была с тобой всегда рядом. Уже в начале 80-х, найдя в библиотеке квартирной хозяйки в Париже (её звали Франсин Руссель, и она была зен-буддисткой) книгу «Steppen wolf» по-французски, ты был очарован легендой Харри Хеллера – сравнительно молодого варианта Фауста. Хеллер спасся от тревоги Херминой, богемной девушкой, завсегдаем баров и балов... А ты, старый, спасёшься девкой Фифи. Она совсем не похожа на тебя, она “шопохолик”, она смотрит телевизор! она государственная служащая, она сумасшедшая, она встаёт в 05.45, как в лагере, эта девка... Но она утоляет твою тревогу».

При воспоминании о его девке Фифи Деду стало очень спокойно. Он даже стал посапывать. Он подумал, что впереди его ждут спокойные полмесяца за решёткой. Никто не будет просить у него денег, не будут звонить журналисты. А тем временем пройдут эти бесноватые праздники. С девкой, жаль, каникулы не получились... Но мужчина обязан воевать, Фифи, это видно, уважает его за воинственность.

Женские юбки, как он их ни любил снимать с девок, а он очень любил сдирать и юбки и трусы, никогда не могли его сбить с верного пути воина. Всё будет хорошо, старый, будешь есть казённые каши. Некоторое беспокойство, может быть, ожидает тебя в конце этого, в полумесяц длиной, тоннеля с тараканами и каплями, а именно, как бы они не подсиропили выход отсюда?! От «них» всего можно ожидать. С подлым государством держи ухо востро, старый. Он уснул.

3

Проснувшись и дойдя до дальняка, он обнаружил лужу. Оказалось, он поставил мимо капель красный таз, когда боролся с каплями, вот и лужа. Он нашёл под раковиной истлевшую губку и с её помощью медленно, но верно, набирая и отжимая, ликвидировал лужу. За ним с любопытством, шевеля усами, наблюдали тараканы. Затем он надел все свои свитера и прошёлся по камере, разглядывая детали. Пришёл к заключению, что всё это аскеза. Монашество бедное. Монашество лично его всегда облагораживало. Он не страдал от бедности никогда. Приветствовал лишения, как средство воспитания духа.

Кровати в «шестой» были все двухъярусные. Когда он прошлый раз сидел в «четвёрке», там были три одноэтажные кровати. Предстояло узнать, во всех ли камерах теперь двухъярусные.

Хряпнули замком и открыли дверь. Расхристанный милицейский солдат, то есть расстёгнутый, узнаваемый тип неряхи и в сущности анархиста, шапка на затылке, осведомился:

– Завтракать пойдёте?

– Пойду!

Дверь на второй этаж, в столовую, он помнил, находится где-то рядом с дверью «шестёрки». Так и есть. Он быстро поднялся в столовую, и был там первым посетителем.

– Здравствуйте, страдальцы! – сказал он в пространство без стены, обнажавшее кухню с двумя арестантами в белых халатах. – Что можете предложить?

Физиономии у «шнырей», как их называли бы в полноценной, взрослой, тюрьме, были корявые. У одного – краснолицего задохлика с важно нависающим носом – физиономия была точно та же, что и у сразу двух его знакомых из прошлого. Шнырь носил физиономию Эдика Брута, его соседа по отелю Winslow в Нью-Йорке, а копия физиономии Эдика Брута была приклеена природой и на человека по имени Борис и по фамилии Закстельский, с этим молодой тогда ещё Дед познакомился в Лос-Анджелесе. «Надо же, – подумал Дед, – видимо, количество форм лица ограничено, посему по планете бродят дублёры дублёров». Второй «шнырь», высокий, с дегенеративно впалыми висками, был копией американского кинорежиссёра Тарантино. Тот ведь выглядит как дегенерат.

На пшённую кашу ему предложили ложку сахара и он не отказался, потребовал: «Чего там, клади вторую!» Дали в жестяной полулитровой кружке чаю. Чай был полусладкий, но горячий. На столах лежал хлеб, не чёрный, но жёлтый, ржаной. Он сидел один и наслаждался. В дверях стоял расхристанный милиционер. Шныри высунулись из кухни и осторожно стали расспрашивать.

– Ну, когда всё сменим? – спросил Тарантино. – Жизни нет от жидомасонов.

– Сменим, сменим, скоро непременно сменим, – бросил Дед скороговоркой, чтобы не вступать в беседу.

– Я вам сочувствую, вот выйду – на площадь пойду, – сказал Брут/Закстельский. – Я с Серёжей вашим сидел. Два раза.

– Из «Левого фронта» который?

– С ним. Голодовку он тут держал.

– Спасибо, – Дед встал. Поставил миску и кружку на прилавок посудомоечного отсека. – До новых встреч.

– На обед придёте? Я хочу у вас автограф взять, – сказал Тарантино.

– Да успеешь, мне тут до середины января париться.

– Он завтра выходит, – объяснил Брут/Закстельский.

Он вернулся в «шестую» в отличном настроении. Постная пшёнка его взбодрила. «Ну, так и окунёмся в арестантскую вечность, – сказал он себе. – Деревянно-тараканную, облупленную, с тазиком, с железными мисками и кружками, где ложка сахара-песка на каше вызывает умиление. Корявые лица арестантов, Питеры Брейгели, оба – Старший и Младший – позавидуют, будут тебя окружать, Дед. Простые разговоры будешь ты слышать. Обдумаешь свою жизнь...»

Дед стал ходить по камере, привычно заложив руки за спину. В Саратовском центре это называли «тусоваться». «Размышляем, старый, – сказал себе Дед. – Размышляем ясно, как подобает после пшёнки с двумя ложками сахара. Тебя решили примерно наказать, выбрали самый абсурдный предлог. Обвинили, что ругался на улице матом. Придумали для этого не существующую в природе женщину (женщину-лжесвидетеля не смогли отыскать?). Ещё ты якобы сопротивлялся. Тебя не довезли до Тверского ОВД, последовал другой приказ, потому что туда легко добраться гражданам с твоей площади, а ОВД на Ленинском далеко, да и прикрыто забором... Размышляем дальше, старый, размышляем... Степень и дурь наказания придумана кем? Ну, не глубокими умами, скажем. Скорее, на уровне мили-

цейских генералов. Главным ментом города имени Моше, генералом Колокольцевым? Или генералом Козловым? Или всеми вместе? Кремль бы придумал более иезуитскую гадость. 31 октября генерал Козлов, стоя на площади у автобуса, куда его, Деда, притащили милиционеры (Козлов был в куртке и кепке, кстати, и ты, Дед, в тот вечер был в куртке и кепке), отдал сердитый приказ: «Куда вы его притащили?! Тащите Деда на митинг!» И его попёрли на митинг, на отвратительный ему митинг, по дороге уронив несколько раз. Тогда, в той подлости, чувствовался почерк Кремля. В новогодней неуклюжей подлости чувствовался генеральский почерк...»

«Размышляем, старый, заглядываем в глубину событий, ища смыслы и связи. Пока тебя тогда таскали, ты получал сведения по мобильному. По сообщениям агентств новостей, на митинге Старухи в загоне собралось около 300 человек, а на “несанкционированном” в разы больше, так сказали, в разы больше, свыше тысячи человек...»

Вдруг в его размышления вклинилась попытка восстановить фамилию ночного судьи: Не..? Неу..? «Брось, старый, вернись к теме площади, а на сладкое получишь разрешение поразмышлять о твоей девке, идёт?»

Конфликт, возникший на площади между ним и Старухой. Этот конфликт тихо разгорелся ещё летом. А теперь он происходит в открытую, его обсуждают в Интернете. Потому что в конце октября Старуха решилась на мятеж. Он вспомнил оперу «Пиковая дама», где Германн ближе к концу оперы восклицает: «Старуха!!!» и «Ещё три карты. Три карты, три карты!» и опять «Старуха!». Он даже заулыбался.

Эта американская домашняя хозяйка, возомнившая себя спасительницей бесправных и лучшим другом жестоких. Целуясь с властью, она верит, что облегчает страдания бесправных. Сбежав из России в Америку, когда всех её старших друзей-диссидентов пересажали, она спешно вернулась сюда, когда их идеи вдруг восторжествовали. Это как если бы дезертир представлял погибшую дивизию на международных конгрессах. Почти два года они сотрудничали, трое заявителей митингов. Он, Костя и Старуха. Ему и Косте за шестьдесят, но Старухе-то за восемьдесят.

Они собирались в её красивой квартире на Старом Арбате. Казалось – не разлей вода эта троица. Наконец нашлись три старых упрямых человека, несгибаемых и несокрушимых. И они не отступят, так они стали выглядеть со стороны по прошествии нескольких митингов по 31-м числам.

Идея была целиком Дедова. Участвуя в оппозиционных коалициях полтора десятка лет, Дед наконец смекнул, что сама форма борьбы в составе «политических партий» не подходит для России. Достаточно намучавшись с левыми, правыми, националистическими, а в последние годы с либеральными вождями и вождишками, Дед и придумал формулу непартийных регулярных сборищ на площади. Надпартийных сборищ. Он хотел принципом надпартийности избавиться от вождей и вождишек, хотел скликать на площадь всё больше народу и оттренировать его там для будущих массовых выступлений. Приходим каждое 31-е число месяцев, в котором есть тридцать первое число, ровно в 18 часов и давим на власть, даже только своим присутствием на площади. Давим, требуя исполнения статьи 31 Конституции Российской Федерации.

Власть довольно быстро сообразила, что перед ней серьёзная проблема. Она отказалась «санкционировать» его митинги на площади, так власть спрятала под иностранным словом свою исконно русскую природу, насильственную и царистскую по происхождению. «Санкционировать» мирные собрания граждан согласно Конституции вовсе не требуется. Однако власти, и федеральные, и региональные, и местные нагло присвоили себе это право.

Ему нужно было, как сейчас говорят, «раскручивать» митинги на площади. С оппозиционными политиками он не хотел иметь дела, он устал от их блошиных соревнований по

прыжкам вверх, от их амбиций, от их бюрократических привычек, от их глупости и бесталанности, в конце концов, от ревности их и зависти. Он пошёл к Старухе, числящейся по разряду «правозащитников». Деталей её биографии и деятельности он тогда не знал, иначе они бы заставили его насторожиться. Он пошёл и попросил её поддержать начинание. По состоянию на лето 2009 года, когда это произошло, он поступил верно и правильно. Перед 31 августа того же года Старуха вызвала его к себе одного.

– Мне неудобно вам это говорить, но это предложение моих товарищей-правозащитников, – мялась Старуха. В гостиной Старухи в тот день стояли белые лилии, много белых лилий. Он не выносил запах лилий, удушливый, как у невытой женщины из-под мышек, он с тоской поглядывал на дверь. Что она может ему сказать? Он вообще не любил стариков и старух, счастливо дожил до своих лет вне их круга, тогда у него ещё была другая девка, не Фифи, той было вообще 19 лет, поэтому он маялся. Да ещё Старуха была по-летнему в платье без рукавов, и с её рук свисала лишняя старческая кожа. Ниже её платья смотреть тоже было нельзя, поскольку там находились отёчные старческие ноги. Дед вспомнил знаменитых старух своей юности – Лилю Брик, Татьяну Яковлеву. Обе также злоупотребляли белыми лилиями, но вот свои старые тела тщательно скрывали летом под цветными шифонами и шелками. Но те старухи были сливки, сливки художественной богемы и высшего общества, а это была более простая старуха, да, видимо, ещё и опустившаяся, опростившаяся в Америке, там все опускаются, начинают ходить в потных футболках, в висящих штанах.

– Предложение моих товарищей... право, мне неудобно вам его сообщить, но они просили меня довести его до вашего сведения, а уж вам решать, вы согласны или нет...

– Я слушаю вас внимательно, – он выбрал точку слева от её правого плеча, чтоб не смотреть на неё, смотрел на обои.

– Видите ли, мои товарищи считают, что у вас, ну, вы, наверное, это сами понимаете, несколько одиозная репутация...

– Продолжайте.

– Я очень ценю вашу идею и мучаюсь от ревности, что не я её автор. Вы внесли бесценный вклад. Мои товарищи считают, что для того чтобы наращивать количество граждан на площади, лучше бы заявителями стали правозащитники. Присутствие вас среди заявителей, считают мои товарищи, отпугивает многих.

– И кем же вы хотите меня заменить?

Старуха назвала несколько вялых бескровных фамилий.

– Вынужден огорчить ваших товарищей. Я не могу сделать им такого подарка. В первую очередь потому, что моя идея как раз предусматривает, что на площадь будут приходить граждане независимо от их идеологической и политической ориентаций. Мои сторонники, а это не только члены моей политической организации, и сегодня составляют значительную группу на площади. Для них я символ, и они идут туда, куда я их зову. Нет смысла превращать митинги-31 в правозащитные междусобойчики, куда ходят лишь ваши сторонники.

– Я так и думала... что вы откажетесь. Я передам моим товарищам. Я не хотела брать на себя эту миссию, не хотела. Я им сказала: «Он не согласится».

Некоторое время они ещё заверяли друг друга в дружбе и сотрудничестве. Выйдя из её квартиры, он вызвал охранников. Пока он спускался на лифте, они уже ждали его у подъезда.

В машине он сказал: «Бабушка русской контрреволюции начинает показывать зубы».

Охранники сказали, что либералам доверять нельзя. Дело в том, что охранники его были в большинстве своём даже не левые, а крайне-правые.

«Размышляем дальше», – сказал он себе. Но тут вошли сразу пять милиционеров, среди них одна дама – старший лейтенант. Начальник новой смены. Поверка.

4

Дед сказал им, что туалет не сливается. Оба начальника смены – и капитан, уходящий домой, и дама с крупной грудью под мундиром и в юбке, попробовали нажать сливной механизм – такая рукоять на пружине, похожая на степлер. Ничего не вышло. Сошлись на том, что пока Дед будет пользоваться тазиком.

– И раковина течёт, – сказал он. И показал где, и продемонстрировал, как течёт. Помыл при них руки, и капли дробно застучали по несчастному тазу.

– И две батареи – ледяные, – завершил Дед.

– Это потому что они текли, их и отключили.

Сантехник, сказали ему, поехал на праздники к семье, и появится только пятого или шестого января. Ещё неизвестно, заглянет ли он в эти дни в спецприёмник, поскольку у него ещё несколько объектов обслуживания. А телефон он отключил.

– Ну вообще вы как, ничего? – спросила крупногрудая старший лейтенант. – Спали хорошо? В столовую ходили?

– Отлично спал, только петарды, чтоб им пусто было. Каши поел, пристойная каша.

– Нам из фабрики-кухни привозят, вы же знаете, – гордо напомнил капитан. – У вас есть всё, что нужно?

У него ничего не было. Но он положил себе за правило быть всем довольным и ничего не просить.

– Пацаны мне всё привезут сегодня, они опытные.

Менты утопали, со скрежетом закрыв дверь. А он улёгся одетый на постели и с наслаждением проспал до обеда.

В обед ему дали суп с лапшой и морковкой на первое и рис с сосиской на второе. Kitchen boys, как он стал называть «шнырей», поскольку они были не совсем шныри, угостили его хорошим, крепким на сей раз чаем, и очень сладким. В благодарность он подписал им автографы на их постановлениях об аресте. Другой бумаги у бедолаг не нашлось. Один, тот что Тарантино, попросил, чтоб он написал: «За справедливость!». Он написал. Со второго раза они показались ему менее корявыми.

Спускаясь вниз, к себе в камеру, он констатировал, что пища в спецприёмнике улучшилась с последнего раза. Вполне солдатская пища, а он всегда чувствовал себя солдатом. Ещё он подумал, что день у него складывается неплохо, как у Ивана Денисовича из повести Солженицына. Курить он не курил, тридцать лет тому назад бросил.

Пришла крупногрудая.

– Гулять пойдёте?

– Завтра пойду, сегодня буду акклиматизироваться.

Дверь закрылась.

«Размышляем, старый, размышляем», – сказал он себе и стал опять «тусоваться». Ему было хорошо, он любил одиночество, и однажды в тюрьме Лефортово просидел один 23 дня, точнее 20 + 3 суток. Разговоры с людьми ему давно надоели, познавать человечество ему не было надобности, он его уже познал. А вот в одиночество он впадал с удовольствием. Он мог, как в меню, выбрать себе тему для размышления и размышлять только на эту тему. Дисциплина мысли – называл он эту свою способность. Вокруг могли орать благим матом, а он мыслил на тему.

Сейчас он попробовал вернуться к Старухе. В интервью агентству «Интерфакс» в октябре он назвал поступок Старухи «подлым». Его осудила тогда, в конце октября, общественность, но с того времени много воды утекло, стал ясно виден, обнажился вред, при-

несённый Старухой движению, теперь подлым считают сговор Старухи с властью даже её сторонники...

«Ну ещё не все её сторонники так считают, старый, – поправил он себя. – И вообще размышляй дисциплинированно. После того августовского разговора среди вонючих лилий... Так вот, тебе следует продолжить. Ведь до 31 октября была предыстория».

...После того августовского разговора среди вонючих лилий до самого мая следующего 2010 года, почти год, они успешно наращивали силы и 31 мая на площадь вышли тысячи три разгневанных граждан. 31 мая был несомненно грозный и успешный митинг, милиционеры тащили, били людей нещадно. Получили, конечно, на избиение приказ. Но граждане упирались и стали, чуть ли не впервые, отбивать своих.

Уже на следующий день Старуха вызвала их, её партнеров, к омбудсмену всея Руси, господину Лукину, прямо в офис к нему на улице Мясницкой. В 16 часов. Она сказала, что власть хочет сделать им предложение через посредника Лукина. Они встретились в брюхе массивного здания на Мясницкой улице, ближе к Садовому кольцу, в кабинете «омбудсмена» (русские любят запудривать ближним мозги иностранными словечками). Четверо было с их стороны: Лукин, омбудсмен столицы Музыкантский (бывший префект! Уже одно это ужасно, что может быть хуже, чем бывший полицейский, пустившийся по правам человека) и два их сотрудника.

«Площадь» представляли трое заявителей: Старуха, Дед и Константин. Начал переговоры омбудсмен всея Руси, кругленький хитрован человека, такой себе непотопляшка при любом режиме. Он приземлился в права человека исключительно по причине своей круглости.

– Я только что встречался с президентом, и он поручил мне урегулировать конфликт на площади, – весело сказал Лукин.

– Отлично, – прореагировал Дед. – Нами заинтересовалась высшая власть!

– Мы вас слушаем, – сказал Константин.

– Да. Давно пора начать переговоры, – сказала Старуха. И шамкнула так.

На самом деле гора родила всего-навсего знакомую уже мышь.

– Вы соглашаетесь провести следующий митинг 31 июля на Пушкинской площади, а за это 31 августа вам будет предоставлена ваша желанная площадь. Затем в следующий раз 31 октября вы согласитесь вновь на Пушкинскую площадь, а следующего 31-го идёте на вашу.

– Глупо, – сказал Дед. – Мы не дети и не гастарбайтеры, чтобы нас гоняли с площади на площадь.

– Этот манёвр позволит власти не потерять лицо, – пояснил Лукин.

– Мне Пушкинская площадь всегда была больше по душе, – сказала Старуха мечтательно.

– Я против вашего предложения, – рубанул Дед. – И выдвигаю встречное предложение. Пусть Верховный суд решит судьбу наших митингов, а я уверен, что если власть не станет давить на суд, суд решит дело в нашу пользу. Площадь, на которой мы собираемся, не специально охраняемый объект. Мы имеем право. Через суд власть сохранит лицо. Ещё и сможет подчеркнуть, что подчиняется судебному решению.

– Я поддерживаю предложение коллеги, – сказал Константин.

– Мне вообще-то больше по душе Пушкинская, мы там собирались все годы, старые диссиденты, – вздохнула Старуха и минут на пять погрузилась в публичные воспоминания. Завершила она, впрочем, глубоким вздохом. И резюмировала:

– Я бы согласилась на Пушкинскую, но мы все, заявители, принимаем решения путем консенсуса. Так мы договорились. Поэтому я нехотя вынуждена присоединиться к моим товарищам.

– Жаль, – вздохнул посредник Лукин, – власть настроена решительно. Они не могут уступить.

– Они не уступят, – вмешался бывший префект. – Всё будет очень плохо. – Оба посредника вздохнули и замолчали угрожающе.

– Вы решили под конец нас запугать? – спросил Дед.

– Ну нет, что вы, только информируем. Посоветуйтесь друг с другом. Дня три вам хватит?

Он подвозил Константина в машине до метро.

– Без нас она бы согласилась на Пушкинскую, – сказал Константин. Константин – бывший работник министерства угольной промышленности. Долгое время состоял в КПРФ.

– Слабое звено она у нас, – промычал Дед.

– Она зависит от уполномоченных. Решает с ними правозащитные дела, – защитил Старуху Константин.

Через три дня они позвонили и сказали, что предложение мэрии не принимают. Но так и оказалось, что слабое звено. Через полтора месяца, в середине июля, несколькими видными оппозиционерами Администрацией Президента был обещан санкционированный митинг, если они подадут соответствующее уведомление на Площадь, если в уведомлении не будет фамилии Деда. Об этом стало известно в Интернете. Блогер «chaotik_good» объяснил нетерпимость власти к Деду так: «Думайте, что хотите, но я уверен, что власть таким нехитрым образом прокололась и показала, кого она боится на самом деле. И в самом деле, без Деда все остальные в жизни не договорятся. Дед – действительно идеальный кандидат на роль вождя объединённой оппозиции». И блогер добавил: «Потому что всех остальных кто-нибудь не потерпит. А Деда, скрипя сердцем и зубами, но вынесут все: и националисты, и либералы, и коммунисты».

Оппозиционеры тогда отказались от предложения стать и штрейкбрехерами и предателями. Но Кремль не унимался. В середине июля уполномоченный Музыкантский, тот, что бывший префект, устроил встречу Старухи с заместителем мэра города Виноградовым. Старуха сообщила Деду по телефону, что она в дороге, что Музыкантский прислал за ней в пансионат свою служебную машину, что ни Деда, ни Константина не пригласили, но она, когда доберётся до кабинета заместителя мэра, потребует их присутствия. Дед поморщился, но вызвал Константина, и они явились на соседнюю с мэрией улицу, сидели там в машине Деда и ждали. Охранники Деда стояли рядом с машиной. Тогда как раз начались большие жары, и температура была +30°.

Ждали они часа два. Уже было понятно, что началась нечестная игра.

– Херня какая-то, Константин! – сказал Дед.

Константин был того же мнения.

– Что-то они там темнят...

Наконец Старуха позвонила:

– Я встретила с Виноградовым... – Она помолчала. – Сейчас я еду в офис уполномоченного по городу, что на Арбате. Если вы хотите, приезжайте туда, ну, через полчаса.

– Если хотите, приезжайте, – повторил Дед для Константина. И объяснил, в чём дело. Они оба возмутились формулировкой «Если хотите...».

В офисе Музыкантского на Арбате они нашли бледную, обезвоженную Старуху, хватающую воздух ртом. Вид у неё был такой, как будто её вывели из тюремной камеры, где подвергали пыткам. Она сидела за длинным столом с краю, понурая, молчаливая, отводила взгляд. Пассивная и апатичная. Отчасти её состояние можно было объяснить небывалой жарой и долгим путешествием из пансионата в город. Но зачем она поехала? Дед захотел дозу алкоголя, прежде чем он разберётся в ситуации. Ему дали Campari.

В первые же минуты седой верзила Музыкантский взял быка за рога и нагло сообщил Деду, что митинг 31 июля может быть разрешён, но при одном условии, что фамилии Деда не будет среди заявителей.

– А в чём проблема, почему Деду нельзя, в чём он обвиняется? – спросил, горячась, Константин. Дед вылил весь Самраги мерзавца Музыкантского в узкий стакан и сделал большой глоток. Он сидел напротив Старухи. Она закашлялась, как будто сама только что проглотила тёплый Самраги.

– Ну вы же сами знаете, – пробормотал Музыкантский. Седые волосы бывшего префекта торчали, как у агрессивного панка, отметил Дед. – Кстати, они хотят, чтобы и вашей фамилии, Константин, не было среди заявителей.

– Костю-то за что? – спросил Дед.

– А не будет на митингах говорить, что у власти у нас в стране воры и убийцы...

– Так ведь он правду говорит, – засмеялся Дед.

– Ну, вот и наговорил.

– Что, с Немцовым не получилось, отказался от роли штрейкбрехера, решили зайти с дамы? – спросил Дед. И кивнул на безмолвную Старуху. – Вы что, её пытали тут?

– Ну и что, что с Немцовым не получилось, у нас целая очередь желающих подать уведомление образовалась! – воскликнул Музыкантский.

Дед констатировал, что бывший префект наглет по минутам, даже не по часам, но таки по минутам.

– Ну вы и циник! И вы нас шантажируете! – Дед встал. – Я не могу больше находиться в вашем обществе!

Но он не ушёл, потому что нужно было вытащить Старуху из ступора, из-под влияния Музыкантского.

– Оставьте нас одних, либо мы перейдём в другой кабинет, нам нужно посоветоваться, – сказал он, обращаясь к Музыкантскому. Тот вышел и закрыл за собой дверь. Старший охранник Деда, Михаил, сообщил позднее, что слышал, как уполномоченный пожаловался по телефону кому-то: «Переговоры идут очень тяжело»...

– Что было у Виноградова? – спросили они оба, и Дед, и Константин. – Что?

– Виноградов не согласился на ваше присутствие. Они уговаривали меня подать уведомление вместе с другими заявителями, – Старуха говорила очень тихо и всё время вздыхала. Говорила, в сущности, шёпотом.

– Они оказывают на вас давление. Я надеюсь, вы это понимаете?

– Да, – прошептала она.

В этот день она их не сдала. Сказала, что они подадут через два дня уведомление под тремя подписями. Уведомление, впрочем, уже было подписано ею перед отъездом в пансионат.

Вернулся Музыкантский.

– Я должен вас огорчить, – сказал ему Дед. – Мы не можем принять ваше предложение. Если бы не наша дама, я бы вообще с вами не встречался... К тому же вы и ваши хозяева – фантазёры. Требовать от лидера оппозиции, чтобы он отказался от тяжким трудом завоеванной популярности и слился с пейзажем, нырнул в толпу, как такая глупость пришла вам в голову?

– Ну как же, – Музыкантский назвал Старуху по имени-отчеству, – вы же обещали? – он обращался только к ней.

– Увы, я уже подписала уведомление совместно с моими коллегами, ещё неделю назад.

– Ну что, подписали, написали, переписали бы...

– Вы обещали отвезти меня в пансионат... – взмолилась Старуха.

Все покинули офис. Старуха осталась.

– Зачем вы её мучаете? Вытащили из Подмоскovie, в такую жару, – спросил Дед Музыкантского в коридоре.

Тот ничего не ответил.

Дней через десять в Интернете появилось обращение Старухи, подписанное ею и почему-то старым бывшим омбудсменом дохлым Ковалёвым, в котором они предлагали активистам, участникам акции на площади, исключить Деда из числа уведомителей. В ответ к Старухе в ЖЖ посыпались негодующие письма. Её клеймили позором во всем русскоязычном Интернете. Ей пришлось отступить от своего предложения. Чтобы подтвердить своё единство, они вышли 31 июля на площадь вместе. Правда, Старуха быстро ушла, минут через двадцать. Он же продержался на площади на несанкционированном митинге час. Рекордное время.

В середине августа площадь огородили забором под предлогом того, что якобы будут строить под площадью паркинг. Это была ложь, разумеется. Под площадью проходит тоннель Садового кольца, а ниже залегает станция метро.

На 31 августа они подписали опять одно общее уведомление, но вышли на площадь уже не вместе. Стояли в разных углах. А в конце октября Старуха всё-таки переметнулась в лагерь врага. Договорилась за спиной Деда и Константина с властью о митинге на 800 человек. Там, где они хотели. Сама потом рассказала газете «Московский комсомолец», как на заседании Общественной палаты её посадили вместе с одиозным Сурковым, и тот «разрешил» ей митинг.

31 октября на площади состоялись два митинга. Один – старушечий, в «загоне», как презрительно назвал Дед площадку среди заборов, и второй – сторонников двух других заявителей, Деда и Константина. Вот там-то над Дедом поизмывались, таскали вниз головой, роняли на асфальт, «заносили» на власовский митинг Старухи...

«Размышляй дальше, старый, размышляй, – сказал он себе. – Самое время понять, почему Старуха пошла на раскол митинга. Продалась ли власти? Сделала ли это по глупости, по причине ревности к его авторству идеи? По какой причине? По всем сразу?»

«Почему я должен заниматься этой Старухой?» – подумал Дед с досадой. Дед привык воевать с молодыми женщинами, а тут вот образовалась война со старухой.

За дверью слышались голоса, в глазке обозначился водянистый милицкий глаз, замок захрустел, и на пороге появился улыбающийся его охранник Кирилл, у него уже успела загустеть щетина.

– Восемь! Восемь дали! Тот же судья, который осудил вас. За то, что ругался у того же дома, что и вы.

– Один ругался? В одиночестве?

– Да. Вас не упоминали.

– Видимо, мы ругались на разных углах.

Они расхохотались. Во всё ещё открытую дверь камеры протиснулась старший лейтенант с грудью.

– Есть пойдёте?

На ужин были макароны-рожки с блёстками тушёнки. Жизнь налаживалась.

5

Кирилл лежит на соседней койке, едва уместаясь в длину, а Дед думает.

Последние 15 лет он живёт, как «крёстный отец», как большой преступник. Но дело в том, что он не «крёстный отец», но оппозиционный политик в стране с деспотическим полицейским режимом, скрывающим полицейский оскал под маской с демократической

улыбочкой. Он не собирался становиться большим преступником. Он всего лишь создал в начале 90-х годов политическую партию. С тех пор Деда охраняют. Он живёт, как не приведи Господь никому так жить. Несвободный, как узник. Достаточно сказать, что он никуда не выходит один...

Когда однажды он, рассорившись с собеседником, неожиданно быстро вышел из подвального ресторана на Тверской, где вёл переговоры, и не обнаружил у ресторана автомобиля с охранниками, он самым безумным образом растерялся. (Ещё так неловко случилось, что в машине остались его бушлат и телефон, и ключи от квартиры.) Он стоял на морозной зимней улице в панике, не зная, что же предпринять. Правда, охранники быстро подъехали, они всего лишь свернули за угол за бутербродами. Подъехали и испугались. Он их даже не ругал, так он был удивлён своей паникой и беспомощностью. Больше такого не происходило.

Первый охранник появился у него в сентябре 1996-го. Лёшка-мент, тот самый, что пришёл записываться в партию в форме и с пистолетом в кобуре. Партийцы тогда возгордились, мол, к нам уже «милиционеры идут». На самом деле Лёшка был уникальный тип, единственный в своём роде, исключение, а не правило. Лёшку пришлось взять в охранники после того, как Деда встретили вечером, он, впрочем, был ещё не Дед, седых волос было ничтожное количество. Его тогда ударили сзади трое неизвестных, он упал, и его стали избивать ногами. Убили бы, если бы не внушительная масса прохожих, шедших из метро, они спугнули мерзавцев. На память ему остались навсегда чёрные царапины на глазных яблоках. Каждое утро, когда Дед просыпается, царапины напоминают ему о нападении. Могло начаться отслоение сетчатки, но не началось. Первые дни он ходил в глазной институт к еврейскому профессору со смешной фамилией (что-то вроде Слива или Тыква) ежедневно. Потом – раз в неделю. Отслоения не произошло, у него оказалась отличная крепкая наследственность. А представил его профессору Тыкве отец одного из первых партийцев, Димы Невелёва...

Дед перевернулся в кровати. Где они все теперь, первые партийцы? Он знал их всех поимённо. Прошлым летом Деду прислали на телефон сообщение. «Умер Фауст. Дима Ларионов. Похороны в воскресенье». И адрес крематория. Дед расчувствовался и поехал. Их собралось там десяток, вряд ли больше, старых партийцев. Дешёвый гроб с телом Фауста привезли из СИЗО в Подмоскovie в самом задрипанном автомобиле, какой только можно представить, под драным тентом цвета молока с чернилами. По официальной версии Фауст повесился в СИЗО, однако до этого он пробыл несколько дней на свободе, сбежал из подмосковной психбольницы, где проживал не так уж плохо. Но сорвался, бежал, поймали. Трагическая судьба бунтаря в России.

Дед воспитал вначале десятки, потом сотни, потом тысячи непокорных, в сумме десятки тысяч. Вырастил зубы дракона, выкормил волчат. Они везде. Взять дело приморских партизан, нашумевшее на всю Россию. Шестеро молодых людей, доведённых до отчаяния беспределом милиционеров, ушли в леса в Приморском крае и стали нападать на милицию. У них главным был нацбол Андрей Сухорада. Дед помнит его, несовершеннолетнего, худенького, как высокий складной нож, и сестрёнку его помнит, той вообще лет двенадцать было. Первое их появление достойно романа какого-нибудь Гюго «Отверженные» или Достоевского. Дед тогда только вышел из тюрьмы. В один из дней Дед находился в бункере, то есть в штаб-квартире партии на 2-й Фрунзенской. Вдруг туда нагрянул сводный отряд офицеров ФСБ, РУБОПа и ещё чёрт знает кого. Чем конкретно был вызван этот рейд, Дед уже не помнит, но в ту осень партия активизировалась, ободрившись выходом вождя из тюрьмы. Был, к примеру, захвачен вагон пассажирского поезда, идущего в Литву, в знак протеста против введения визового режима для проезда через территорию Литвы в Калининград. В ФСБ, видимо, решили, что пора пугнуть партию.

Они тогда обыскали бункер, рыскали везде и увели с собою пленных – всех партийцев, находившихся в тот момент в бункере. Пытались увести и его, запугивали. «Вот я сейчас напишу протокол, что ты на меня с этой железной болванкой набросился, а мои товарищи подтвердят, – говорил ему гнусный молоденький опер, похлопывая по ладони действительно железной болванкой, – и уедешь опять туда, откуда освободился... Вождь!» – добавил он с ненавистью. Дед сказал, что пугать его бессмысленно, он пуганый, он свой последний страх на фронте, в Сербии, оставил, близ местечка Еврейскі Гробі под Сараево, где в атаку ходил на пулемёты, а последнюю щепотку страха оставил в тюрьме строгого режима под городом Энгельсом. Что он никуда не пойдёт, он не может оставить бункер, поскольку твёрдо верит, что вы, «подлота» (он так и сказал – «подлота»), воспользуетесь и подбросите нам патроны либо наркоту. Пошушукавшись, они оставили его одного, уводя пленных. Его задержание вызвало бы шум.

Подходили партийцы, приехал его адвокат. Вот тогда и вышли из глубин бункера мальчик и девочка. Андрей, как складной ножик, и белокурая его сестричка. Они спрятались, оказывается, за большим портретом Че Гевары далеко в глубине бункера. Менты ходили мимо них, один мент даже пытался отодрать портрет, взять его «на память», но его отвлекли другие менты. Дети, сбежав из Приморья, проехали всю Россию и явились в бункер. Сколько было тогда будущему приморскому партизану? Он 1987 года, помнил Дед, потому что его интересовал возраст парня. 16 лет было ему тогда, в 2003-м. Действовали партизаны в лесах с февраля по июнь 2010 года. На счету их четыре нападения на милиционеров. СМИ писали потом, что Сухорада всему научился в бункере НБП. Ну да, там, в бункере, Дед устроил партийную школу. Из этого инкубатора много кого вышло. Они себя ещё покажут. Они наматывают ваши кишки на штыки...

После ужина им принесли передачу. Точнее – две. Каждому по два куска мыла, по огромному тюбику Colgate – зубной пасты, по полотенцу. Шоколад, апельсины, по два кружка краковской колбасы. Газеты. Дед поморщился при виде такого расточительства.

– Зачем нам четыре куска мыла?

– Ну пацаны же не знают, что мы в одной хате сидим.

Дед открывал газеты, одну за другой, но все они оказались старыми, предновогодними. А чего он ожидал? Русские СМИ ленивы. Они будут праздновать, до самого 15 января ничего не выйдет. Даже если в стране будет переворот. Журналы, присланные вместе с газетами, как и подобает журналам, были неактуальны и набиты всякими глупыми историями. Лёжа на койках, Дед и Кирилл шуршали газетами. Дед лежал на аккуратно, по-солдатски прибранной койке, а сверху набросил на грудь свой бушлат. Кирилл же валялся в одной рубашке и потёртых синих джинсах, несмотря на то, что он был на пару метров ближе к ледяным батареям и, значит, на пару метров дальше от горячих.

– Тебе не холодно, Кирилл?

– Нет, – беззаботно ответил охранник, – да мне всё равно.

«Молодой, – подумал Дед, – кровь его греет, а меня уже ни хрена не греет. Хотя женщины находят, что у тебя, старый, горячие руки. Огненные даже...»

– Вам свет большой убрать? – голос из-за двери.

– Убрать, убрать! – обрадовался Дед. Большой убрали, врубили ночной. Кирилл же, судя по его взгляду, не очень обрадовался, он бы ещё почитал, но Дед был человек строгих старомодных правил. Жил, как в армии или на зоне. Ложился в десять.

– Не вздыхай. А то все вокруг будут думать, что ты уставший и подавленный человек. Зачем тебе такая репутация?

– Да это привычка у меня такая.

– От вредных привычек нужно избавляться.

Некоторое время они лежали молча.

– Ну как тебе тут? – спросил Дед.

– После обезьянника в ОВД просто отлично.

Кирилл имел за плечами тюремный опыт. Меньший, чем у Деда, но свой год в двух тюрьмах он отсидел. Вначале в «Матросской тишине», а потом в тюрьме на Пресне. В тюрьмах Кирилл был «дорожником», днём спал, а ночью переправлял по верёвкам «малявы».

– Детский сад, конечно, тут, – резюмировал Дед, – но тюрьма. Форму не надо терять. Спокойной ночи!

«О чём это он?» – подумал Кирилл, потом догадался, что от тюрьмы лучше не отвлекать. Быть в форме.

– Приятных сновидений!

Дед подумал, что ему нужно попытаться увидеть его девку. И уснул.

Либеральные

1

Его девка к нему ночью во сне не пришла. Пришли другие, мутанты, составленные из частей женщин, которые отдавали ему свои тела на протяжении жизни. Никакой фривольности они не проявили. Расхаживали, приходили, уходили, почему-то в парижской квартире всё происходило, и только. Параллельный мир ему на что-то указывал, «но не всегда находишься в состоянии, чтобы понять мэсидж», – сказал себе Дед и проснулся точнёхонько за пару минут до подъёма.

Подъём в спецприёмнике зависел от смены. Шумная смена орала у двери благим матом: «Подъём!». Тихая – шептала мимоходом: «Поднимаемся, ребята, поднимаемся», – и шёпот удалялся. Всё совершалось согласно темпераменту начальника смены.

Дед ловко встал, во всяком случае ему показалось, что ловко, извлёк один тюбик зубной пасты, второй припрятал, выбрал себе синее полотенце, потом подумал и взял красное. Повесил его на спинку кровати. Пошёл к комплексу дальняк-раковина и с наслаждением почистил зубы. Умылся. Красное новое полотенце пожалел и вытерся казённым, «вафельным». Всё же он был сыном своего поколения, ребёнком войны, потому вырос бережливый.

Кирилл спал, стацив одеяло на ноги.

Открыли дверь и позвали на завтрак. Кирилл открыл глаза и ошалело не понял, где находится.

– Кашу дают. Вставай! – бодро гаркнул Дед. Он во всех тюрьмах был бодрый, его даже прозвали в Лефортово «Энерджайзер». Кирилл вскочил. Вставил ноги в тапочки, пацаны загнали им одинаковые тапочки в дачке, только у Кирилла 45-го размера, у Деда меньше.

Их опять кормили отдельно от всех. В столовой они были первые и одни. Дед познакомил Кирилла с Kitchen boys. Заодно и Дед узнал, как их зовут. «Тарантино» назвался Стасом, как же иначе, а Брут/ Закстельский, оказывается, – Андрей. Андрей сообщил им, что под Новый год задержан ещё и Борис Немцов, он всё ещё находится в ОВД «Тверское». Что к нему туда не пускают дочь...

– Откуда вы всё это узнали, арестованные? – спросил Дед, получая свой чай. А сам подумал, какого рожна к Немцову должны пускать дочь? Нет такой практики. К Деду даже адвокатов не всегда пускали. Это же арест.

– У нас у одного парня во «второй» хате транзистор есть.

– Богачи. Радио здесь разрешено? Тут же ни одной розетки в хатах нет. Кипятильник даже не употребишь.

– Администрация не возражает.

– Хотите, мы вам чифиру сварим? – вызвался Андрей. Дед ничего не ответил, поостерегся от первого встречного чифир брать.

В обед им выдали рассольник, солдатского казарменного качества, и, о чудо: по небольшому куску жареной рыбы, мойвы, что ли. Дед с энтузиазмом съел обед, и даже серый хлеб ему нравился.

Потом они гуляли. Вдвоём. Дед быстро ходил во всю длину узкой щели, тянущейся вдоль здания спецприёмника, шапка на бровях лежит и на очках, руки в карманах. А Кирилл курит, сосёт сигаретки одну за другой у входной двери. Проходя сквозь клубы его дыма, Дед поморщился.

– Давно бы бросил, дешевле бы существование обошлось.

- Да пытался, не получается, – Кирилл вздохнул. При этом он улыбался.
- Опять вздыхаешь.
- Не буду. Изживу вредную привычку, – пообещал Кирилл.

После прогулки их уплотнили. Извинившись, вселили к ним двух Kitchen boys, а через полчаса вселили и третьего, потому что «Тарантино» на следующий день выходил на свободу. Потому к ним в камеру поселили ещё и хулигана Сергея, тот должен был стать посудомойщиком, после того как уйдёт Стас. Где-то около часа Kitchen boys носили порциями свои вещи из «второй» хаты. Матрацы, одеяла, пакеты. Они постоянно забывали что-то взять, стучали в дверь, вызывая милиционеров. Дед наблюдал за суетой с элегической грустью. Было ясно, что в эту отсидку одиночества ему не видать, как своего затылка. «Ну что же! – подумал Дед. – Буду общаться с арестантами. Приобретать ненужный мне уже опыт».

Kitchen boys вместе с пожитками привезли и свежую новость. Его соратника Константина осудили на 10 суток и, вероятнее всего, к ночи или ночью его доставят сюда же, в спецприёмник. Осуждён ещё кто-то, но Kitchen boys не поняли, кто. В конце концов, откуда им знать оппозиционеров, они же простые пьяницы, хулиганы и дебоширы. Немцов, сказали Kitchen boys, ещё не осуждён. Немцова они знали, всё же бывший вице-премьер, немало в своё время помелькал на экранах.

После ужина они спустились с Кириллом в камеру, дверь была открыта настежь. Они прикрыли дверь. Кирилл стал курить в форточку, в той части «хаты», где были две ледяные батареи, «дальняк» и раковина. Дед морщился. Все его сокамерники, включая его охранника, оказались курящими. Астма давно не посещала Деда, однако такое интенсивное вентилирование его лёгких никотином могло и спровоцировать астму. Могла её спровоцировать и простуда, вызванная сквозняком. Но Дед ничего не сказал Кириллу, мёрзнувшему у форточки, он ходил, заложив руки за спину по старой тюремной привычке, во всю длину камеры и даже считал шаги. Необходимости в считании шагов не было никакой, он считал удары правой ноги в годы, когда бегал в прогулочном дворике, вначале в тюрьме Лефортово, потом в Саратовском центре, ему нужно было отбегать дневную норму, вот и считал. А зачем считает сейчас? Привычка...

Кирилл закрыл форточку и, подражая Деду, стал ходить рядом. Они обменялись репликами насчёт того, что места в камере хватает, «тусоваться» могут одновременно трое, да и для четвёртого места хватит.

– Да ничего тут, жить можно. О хлебе насущном думать не надо, да и койку дают, – одобрил спецприёмник Кирилл.

Кирилл был с ними уже лет пять, если не больше, из них год отсидел в тюрьме, но в охране у Деда он работал лишь последние года полтора-два. После того как развёлся, точнее разошёлся, с женой. Она тоже была активисткой партии, в партии они и познакомились. Родила ему ребёнка. Но её темперамент оказался, видимо, ему не под силу. Что там у них случилось... Дед никогда не лез в личную жизнь партийцев, потому не знал. Вероятнее всего дело было либо в несоответствии ритмов существования, либо в подчинении было дело. Если женщина имеет сильную доминантность, то мужчине сложно жить, она с ним борется, как мужчина. А это напрягает и нервирует. В доме-то бороться уж не надо бы.

Дед выгнал пару лет назад двадцатитрёхлетнюю девку. Та была как тёмная энергия, всё поглощала. Дед был радикал и в личной жизни, потому хотел, пытался жить с той девкой, но, осознав ситуацию, принял решение выставить её за дверь. Он потребовал от неё очистить помещение и дал ей срок. Совесть его при этом осталась чиста, потому что квартирная хозяйка как раз попросила Деда очистить помещение. Так что все должны были оставить помещение, между тем вместительное и совсем дешёвое, у Курского вокзала. В квартале, называемом «Сыры», сейчас в тех местах процветает культурный выставочный центр «Вин-

завод». Когда ультиматум Деда девке истёк, она, нагло кривляясь, пришла и сообщила, что любит его и не уйдёт. Дед не стал кричать, не стал оспаривать её, но спокойно передал дело службе безопасности, своим охранникам. «Пацаны, – сказал он им, – нужна ваша помощь!»

Димка, серьёзный, носатый, бритый, все звали его «Эвертон», так как он был фанат этой английской команды. Очень аккуратный парень. Димка сказал ей, назвав её по имени: «..., босс не шутит. Никаких шуток быть не может. Собирайся!»

Надо сказать, что девка была стриптизёрша, что Дед вытащил её из Питера, он захотел жить с ней, иметь её в постели, под рукой, но откуда же он знал, что она – тёмная энергия. Любая страстная девка может в первое время показаться тёмной энергией, но не любая такой является. Она оказалась тёмной энергией и не ослабевала никогда. Она могла затрепать мужчину, как кошка – мышшь, играя с ним до тех пор, пока он не похолодеет, а она всё будет то трепать его лапой, то поглаживать. И будет удивлена, чего-то он не движется...

Служба безопасности даже помогла ей погрузиться. Она хотела зайти к нему в кабинет (он сидел там, у компьютера, ожидая, когда всё закончится) «попрощаться». Но Эвертон не пустил её. «Ни к чему это, беспокоить босса...» Дед не был жестокосердным. Однако было ясно, что он ошибся, и нужно было исправить ошибку...

Не однажды Кирилл сообщал Деду детали своего развода с партийным товарищем «Зайкой». Дед был солидарен с Кириллом по поводу оценки девок, они же женщины. Иной раз они ансамблем, дуэтом, в форме горячего диалога детализировали свои взгляды. Обычно это происходило в автомобиле. Двое других «пацанов» в автомобиле, обыкновенно неженатые ещё ребята, то смеялись, то молчали, слушая их женоненавистнические речи.

2

Kitchen boys задержались вне камеры. Но зато они принесли с собой множество интересных и необходимых вещей. Во-первых, они забрали из старой хаты транзистор. Беда была только с батарейками – они издыхали, но, постучав ими о раковину, хулиган Сергей добился их временного оживления. Настроившись на частоту «Эха Москвы», они вдруг узнали, что Немцову дали пятнадцать суток ареста за то, что он якобы ругал матом президента, при этом переходя Тверскую улицу.

Дед подумал, что власти ведут себя непоследовательно: в октябре сумели разделить участников митингов на Триумфальной на соглашателей (Старуха и её окружение) и «непримиримых», к ним Дед относил своих сторонников и себя. Немцов вышел 31 октября вместе со Старухой в загон, на «разрешённый» митинг. Тогда его не забрали, митинг-то разрешённый, не забрали, несмотря на то, что он говорил со сцены загона возмутительные вещи в адрес премьер-министра и президента страны. А вот в ночь на Новый год его забрали, может быть, карая задним числом за те оскорбительные для высших должностных лиц государства речи, произнесённые им 31 октября. Желание отомстить наглецу (Немцов ещё ведь был к тому же «свой», из их корпорации, бывший губернатор и вице-премьер) пересилило расчётливость, власть пошла на то, что разбила посуду. Сумели разделить участников процесса на умеренных и непримиримых, и вдруг сажают умеренных. И тем самым этих умеренных превратят в радикалов, если так дело пойдёт...

«А ещё, – подумал Дед, – они хотят запугать Немцова этим арестом. Он, успешный всегда, молодой ещё буржуазный политик, он никогда в жизни ещё не был за решёткой. Вдруг испугается».

С хрустом выворачивая замок, появился толстый лейтенант в шапке.

– Звонить кто-нибудь будет?

– Я! – Кирилл говорил Деду, что должен позвонить родителям.

Андрей Брут/Закстельский также выразил желание позвонить сестре, которая его сюда и упрятала уже пятый раз подряд.

– Немцову дали пятнадцать суток, а Яшину – пять, – сообщил толстый лейтенант негромко, – к ночи сюда привезут.

Сообщая им эту военную тайну, лейтенант выглядел очень довольным собой. Дед не сказал ему, что уже знает решение суда.

– Посадите Немцова к нам в хату, лейтенант, – попросил хулиган Сергей. – Я потом всю жизнь буду рассказывать, как с премьер-министром сутки отбывал.

– Хэ-хэ, – только и произнёс лейтенант и увёл Кирилла и Брута/Закстельского звонить по телефону.

Вернувшись, они уселись ужинать. Брут/Закстельский извлёк из сумки, принесённой из кухни, две пластиковые бутылки с чифиром. От кипятка бутылки сжались и стали причудливо деформированными. Из второй сумки Брут/Закстельский, улыбаясь в пегие усы, извлёк невероятные вещи: салат оливье в контейнерах и пластиковую банку с красной икрой. В тюрьме – икра!

– Тётка со второго этажа дала. Они в Новый год дежурили, всё не съели. Возьми, говорят, Андрей, а то протухнет!

– У нас не протухнет, – заверил Кирилл.

– А что за тётка? Нас не отравят? – выразил опасение Дед.

– Да там в коридоре сидит, кабинет у неё близко к кухне. Тучная такая. Бухгалтер, может быть.

– В Андрея влюбилась, – отметил хулиган Сергей.

Дед подумал, что возникла обычная бытовая ситуация. Продукты начали портиться, оливье и икра – скоропортящиеся, чего не отдать зэкам. И Дед решил съесть икры. Но сказал:

– Кто из вас первый на икру. А я посмотрю. Если конвульсий не будет, и я съем.

Все заулыбались, кроме Кирилла. Он-то знал, что Дед не шутит. А Дед помнил, как они отравили Лечи Исмаилова, чеченского бригадного генерала, отравленными бутербродами перед этапом. Следователи его поужинали. На этапе Исмаилов и скончался. Тут тебе не шутки, в тюрьме, пусть это и маленькая тюрьма. Исмаилов получил восемь лет всего-то. Дед никогда не брал ту тарелку, которую ему протягивали, всегда старался взять другую. Одно время его служба безопасности носилась с идеей, чтобы покупать ему еду ежедневно в разных магазинах. Отказались от такой идеи только по причине её трудоёмкости.

Всё очень серьёзно. Идёт война. Дед живёт неудобно и погано. Вроде и на свободе, а хуже, чем в тюрьме. Дед не планировал так жить. Но власть восприняла его самого, его идеи и его политическую организацию как крайне опасные. Его назначили врагом государства и, видимо, врагом номер один. От «перебежчиков» из ФСБ Дед знал, что его партией и им самим занимается тот же отдел ФСБ, что и чеченскими боевиками. Позднее арестованного в 2001-м Деда и его группу вели те же следователи, что занимались чеченцами. И сидели Дед и его группа в тюрьме для государственных преступников вместе с чеченцами. Ни один из тех чеченцев, включая генерала Радуева, не прожил долго. Получив сроки, они уехали в лагеря, и там их убили. Всех. Так что Дед относился к окружающему миру серьёзно и подозрительно. Потому что имел право. Имел основания. Убитых среди его сторонников насчитывалось десять человек.

3

Поужинав второй раз и опустошив обе бутылки чифира (по правде говоря, это был скорее «купец», очень крепкий чай, но ещё не чифир), сокамерники пошли курить к комплексу

дальняк – раковина. Они энергично развернули одну из коек, поставив её вдоль перегородки, отделяющей дальняк от камеры, лицом к окну и ледяной батарее. Поставили перед койкой «дубок» (тюремная тумбочка) и расселись кто как, кто на кровати, кто у стены, на корточках. Кирилл стал им рассказывать, как в тюрьме был дорожником. Простые хулиганы и дебоширы слушали с уважением.

Дед же взял книжку «Повседневная жизнь Древнего Египта» и стал её перелистывать, время от времени прислушиваясь к разговору курящих. Книжка оказалась переводом книги ветхозаветного немца из 19 века, была потому полна небылиц, впоследствии опровергнутых наукой, однако время от времени, как золотинку в песке, Дед замечал в немецкой старине резкие детали. Деда поразило то, что немец ни разу не упомянул народ «иври» – предков современных евреев, а ведь они должны были оставить в Египте следы...

– Мама умерла и оставила трёхкомнатную квартиру мне и сестре. Ещё там прописана моя дочь... бу-бу-бу... Ей 14 лет, она живёт с моей бывшей женой в Алтайском крае... бу-бу-бу. Я её одиннадцать лет не видел. Вот в этой квартире вся и проблема...

Андрей Брут/Закстельский повествовал свою если не всю жизнь, то обширный эпизод этой жизни товарищам по камере. Реплики, издаваемые понурым с нездоровым красным лицом мужчиной, и доселе изобличали его как истерика, как человека подавленного, а сейчас он живописал словами более широкое полотно.

– «Москвичей испортила жилплощадь», – помните, у Булгакова... бу-бу-бу... Вот и мою сестру...

Брут/Закстельский более образован, чем средний обитатель спецприёмника, констатировал Дед, отвлекшись от древнеегипетской реальности.

– К ней ходит участковый, и она к нему ходит. Спелись.

– Она, видимо, пообещала отблагодарить его, если он тебя посадит. Тогда она тебя выпишет.

Реплика принадлежала Сергею, молодому хулигану. Сергей также был «дублёром», повторением друга его покойного охранника Кости Локоткова, Костяна, они вместе служили в Германии. Как же звали друга: Вешняков? Вишняков? Сквозь прутья кровати Дед поразглядывал Сергея пристальнее. Красивый, скорее, парень. Такой напористый наглец, видимо, на свободе, здесь он стесняется «политических».

Дверь открыли. Толстый улыбчивый лейтенант, показавшись в двери, отодвинулся, и за ним оказался «политик Илья Яшин», как всегда называли этого юношу, все его 27 лет от роду, стоял в коридоре спецприёмника.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.